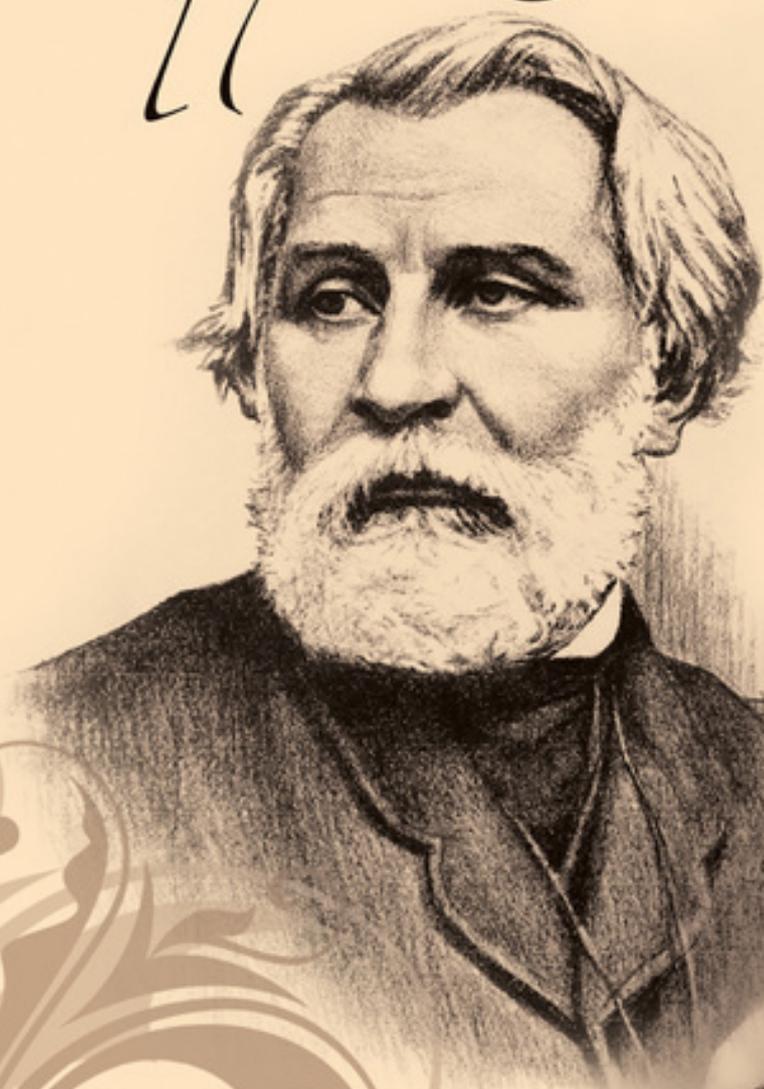

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

Любовные драмы
русских писателей

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Любовные драмы
русских писателей**

«ВЕЧЕ»

2016

Шахмагонов Н. Ф.

Любовные драмы русских писателей / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-7090-5

Книга Николая Шахмагонова посвящена чрезвычайно интересной, но малоизученной теме – любовь в судьбе знаменитых русских писателей. Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин, Куприн... Что мы знаем об этой скрытой стороне жизни тех людей, которые стали цветом русской культуры? Интереснейший рассказ о романтических отношениях наполнен свидетельствами современников – цитатами из мемуаров, писем и дневников.

ISBN 978-5-4484-7090-5

© Шахмагонов Н. Ф., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

«Любовные лихорадки» Тургенева	6
«Если бы... такие жены, как у Достоевского...»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Николай Федорович Шахмагонов

Любовные драмы русских писателей

© Шахмагонов Н.Ф., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

«Любовные лихорадки» Тургенева

Первая любовь в повести и в жизни

Существует мнение, будто для того, чтобы узнать, счастливую ли жизнь прожил писатель, нужно внимательно и вдумчиво прочитать его книги, особенно касающиеся высочайшего в свете чувства – чувства любви. И особенно первой любви, наверное, каждым из нас вспоминаемой с особым трепетом. В отношении замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева можно с уверенностью сказать, что это действительно так.

Вспомним повесть Ивана Сергеевича Тургенева «Первая любовь». С каким пронзительным откровением написана она! Как автор заставляет нас сопереживать своему герою! Безусловно, написать такое, не испытав самому, трудно.

Давайте обратим внимание на эти строки: «О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, – где вы, где вы?»

Кому посвящены эти строки из повести «Первая любовь»?

Так и хочется воскликнуть вслед за Генрихом Гейне: «Где вы, сладкие томленья, робость юного осла!»

Наверное, состояние, которое вызывает первая любовь, в чем-то общее для всех. Так кому же посвящены Тургеневым вышеприведенные строки?

Не будем спешить с ответом. Пойдем дальше. Вот какие чувства переполняют героя повести после встречи с возлюбленной: «... Я присел на стул и долго сидел как очарованный. То, что я ощущал, было так ново и так сладко... Я сидел, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышал и только по временам то молча смеялся, вспоминая, то внутренне холодел при мысли, что я влюблен, что вот она, вот эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мною во мраке – плыло и не проплывало; губы ее все так же загадочно улыбались, глаза глядели на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нежно... как в то мгновение, когда я расстался с ней. Наконец я встал, на цыпочках подошел к своей постели и осторожно, не раздеваясь, положил голову на подушку, как бы страшась резким движением потревожить то, чем я был переполнен...»

Так кто же она?

Первая любовь озарила Ивана Тургенева в 14 лет. А влюблен он был в дочь графини Шаховской Екатерину, юную поэтессу. Имение Шаховских было рядом с Подмосковным имением Тургеневых. В то время Екатерине было 18 лет. В своей повести Тургенев несколько увеличил возраст героев, вероятно, потому что, по его мнению, читателям все же трудно воспринимать всерьез влюбленность четырнадцатилетнего отрока. А между тем первая любовь Тургенева была на самом деле столь сильной, что возраст не имел серьезного значения, во всяком случае, для него. Ну а что касается его возлюбленной, то уже в те юные годы Ивана Тургенева стало преследовать то, что называют несчастьем в любви.

Екатерина Шаховская давала ему надежду, возможно, играя с юным возлюбленным, а быть может, преследуя какие-то свои цели. По отзывам современников, юная княгиня была необыкновенно красива, грациозна, игрива, вела себя бойко и шаловливо. Любила подшучивать над многочисленными поклонниками, которых, наверное, не принимала всерьез, поскольку тот, кто нашел путь к ее сердцу, не мог присутствовать на веселых вечеринках в доме Шаховских. Вот тут Тургенева и ожидало разочарование, такое разочарование, которое можно назвать ударом, если учесть, что влюбленным был четырнадцатилетний отрок...

Детали отношений Тургенева и Екатерины Шаховской не известны во всех подробностях, но тут мы можем вполне допустить, что автор, показывая их в повести, не слишком далеко уходит от того, что было на само деле.

Во всяком случае, отца своего героя он точно копирует со своего родного отца: «Отец обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у ней, кроме меня, не было детей: другие заботы ее поглощали. Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась – но не в присутствии отца; она очень его боялась, а он держался строго, холодно, отдаленно... Я не видал человека более изысканно спокойного, самоуверенного и самовластного».

Или вот еще: «Мой отец всегда одевался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мне более стройной, никогда его серая шляпа не сидела красивее на его едва поредевших кудрях».

А вот о взаимоотношениях с отцом: «Странное влияние имел на меня отец – и странные были наши отношения. Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня; он уважал мою свободу – он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... Только он не допускал меня до себя. Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины – и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки! Зато, когда он хотел, но умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить во мне неограниченное доверие к себе. Душа моя раскрывалась – я болтал с ним, как с разумным другом, как с снисходительным наставником... Потом он так же внезапно покидал меня – и рука его опять отклоняла меня, ласково и мягко, но отклоняла».

Некоторые детали делают повесть почти автобиографичной. Даже сюжетное построение, при котором рассказчик предпочитает не передавать историю своей первой любви в разговоре, а записать ее и затем прочесть, наводит на те же мысли.

А конкретные факты из биографии отца главного героя повести таковы:

«Отец мой, прежде всего и больше всего, хотел жить – и жил... Быть может, он предчувствовал, что ему не придется долго пользоваться “штукой” жизни: он умер сорока двух лет».

Известно, что отец Тургенева Сергей Николаевич родился 15 декабря 1793 года, а умер 30 октября 1834 года. Он умер на сорок первом году жизни и даже ходили слухи, что покончил с собой из-за разрыва с Екатериной Шаховской. Но и возлюбленная ненадолго пережила его. Она вышла замуж, родила сына и вскоре после родов скончалась.

Любовные похождения Сергея Николаевича имели свои причины.

Женился он на Варваре Петровне, не испытывая любви, – какая любовь по расчету. Жена была старше на 6 лет, не отличалась красотой, и он ей нередко изменял. Был красив собой, но простоват, ума недалекого, да и не мог похвастать высокой культурой, если применить к нему известное определение: культура мужчины определяется его отношением к женщине.

И случилось так, что отец, которого Тургенев любил и уважал, нанес ему душевную рану, и она, вероятнее всего, в одночасье убила всякое уважение и показала всю низость доселе любимого человека. Это ярко и пронзительно описано в повести «Первая любовь», и, без всякого сомнения, написано можно сказать, с натуры.

Вот один из ключевых эпизодов: «На улице, в сорока шагах от меня, пред раскрытым окном деревянного домика, спиной ко мне стоял мой отец; он опирался грудью на оконницу, а в домике, до половины скрытая занавеской, сидела женщина в темном платье и разговаривала с отцом; эта женщина была Зинаида.

Я остолбенел. Этого я, признаюсь, никак не ожидал. Первым движением моим было убежать. “Отец оглянется, – подумал я, – и я пропал...” Но странное чувство, чувство сильнее любопытства, сильнее даже ревности, сильнее страха – остановило меня. Я стал глядеть, я силился прислушаться. Казалось, отец настаивал на чем-то. Зинаида не соглашалась. Я как теперь вижу ее лицо – печальное, серьезное, красивое и с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния – я другого слова подобрать не могу. Она произносила односложные слова, не поднимала глаз и только улыбалась – покорно и упрямо. По одной этой улыбке я узнал мою прежнюю Зинаиду. Отец повел плечами и поправил шляпу на голове, что у него всегда служило признаком нетерпения... Потом послышались слова: “Vous devez vous separer de cette...” [“Вы должны расстаться с этой” (*фр.*)]. Зинаида выпрямилась и протянула руку... Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, – и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец. Отец швырнул в сторону хлыст и, торопливо взбежав на ступеньки крылечка, ворвался в дом... Зинаида обернулась – и, протянув руки, закинув голову, тоже отошла от окна.

С замиранием испуга, с каким-то ужасом недоумения на сердце бросился я назад и, пробежав переулок, чуть не упустив Электрика, вернулся на берег реки. Я не мог ничего сообразить. Я знал, что на моего холодного и сдержанного отца находили иногда порывы бешенства, и все-таки я никак не мог понять, что я такое видел... Но я тут же почувствовал, что, сколько бы я ни жил, забыть это движение, взгляд, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образ ее, этот новый, внезапно представший передо мною образ, навсегда запечатлелся в моей памяти. Я глядел бессмысленно на реку и не замечал, что у меня слезы лились. “Ее бьют, – думал я, – бьют... бьют...”»

Этот эпизод Тургенев передал в повести в точности, поскольку в ней он рассказал о себе, о своем отце и о своей первой любви к юной княгине Шаховской, которая, скорее всего, добивалась того, чтобы ее возлюбленный расстался с женой и женился на ней.

«Я не зарыдал, не предался отчаянию; я не спрашивал себя, когда и как все это случилось – я даже не роптал на отца... То, что я узнал, было мне не под силу: это внезапное откровение раздавило меня... Все было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные».

Ну что ж, недаром в популярной в советское время песне поется: «На то она и первая любовь, чтоб быть ей не особенно удачной».

И все же неудача неудаче рознь. Если бы та первая отроческая любовь не оставила душевных ран, вряд ли бы мы прочитали блистательно, с пронзительным откровением написанную Тургеневым повесть «Первая любовь».

И она, эта неудача, неизгладимый след от которой остался именно потому, что причиной, как тогда наверняка казалось отроку Тургеневу, был его родной отец, не могла не наложить отпечаток на все дальнейшие увлечения, влюбленности, на те чувства любви, которые писатель испытывал ко многим женщинам. Быть может, именно в любви к юной княгине Шаховской, оборвавшейся для четырнадцатилетнего Тургенева столь трагично, нужно искать истоки тех драм на любовной ниве, которые ему довелось пережить в жизни. Ну а о том, что след остался неизгладимый, свидетельствует повесть «Первая любовь», в которой, как уже упоминалось, он с предельной точностью списал своих героев с их реальных прототипов и, дразня общественное мнение, открыто признавал, что это действительно так.

«Коснулась... волос и сказала: “Пойдем!”»

Вернемся к словам песни: «На то она и первая любовь, чтоб стала настоящей другой»... В другом варианте песни – «вторая».

Но во второй раз Тургенев даже не успел влюбиться.

Через год (1834) после трагического для него инцидента с Екатериной Шаховской Тургеневы переехали в свое имение Спасское-Лутовиново, находящееся в Мценском уезде Орловской губернии.

Тургеневу исполнилось 15 лет. В Спасском развлечений было мало, но его и не слишком заботили развлечения. Игрушки его мало интересовали с детства. Любимым его занятием были прогулки по парку, по лесу, по берегу реки. Ему нравилось быть наедине с природой.

Трагедия с Шаховской – да, именно трагедия для четырнадцатилетнего отрока – постепенно забывалась, зарастала рана. Мать же, видимо, узнавшая каким-то образом о том инциденте, решила, что сыну пора познакомиться с представительницами прекрасного пола поближе. Одним словом, по ее мнению, ему пора было познать близость с женщиной.

Варвара Петровна вызвала к себе миловидную крепостную, уже познавшую секреты отношений с сильным полом, и дала ей деликатное поручение – велела отправиться в парк, где прогуливался молодой барин, и соблазнить его...

О том событии, для молодого Тургенева значительном, он через много лет рассказал французскому писателю Эдмону де Гонкуру.

Анри Труайя в книге «Иван Тургенев» писал: «В 14 лет Иван был юношей высокого роста, немного сутулый, с тонкими чертами лица и задумчивыми серыми глазами. Тургеневы знали Жуковского, стихотворениями которого восхищалась вся Россия, и Загоскина, автора знаменитого исторического романа “Юрий Милославский”. Оба писателя, которых Иван, вероятно, встретил в одном из дворянских салонов, сошли, казалось ему, с самого Олимпа. Чтобы быть в курсе русского литературного движения, он читал журналы “Телескоп” и “Московский телеграф”. Однако к его художественным увлечениям уже присоединялись увлечения любовные. Нарождавшуюся чувственность пробуждала поэзия, природа, женщина.

Он очень рано испытал физическое влечение. Это произошло в деревне на каникулах».

Вот как рассказал об этом сам Тургенев французскому писателю Эдмону де Гонкуру: «Я был совсем юным и невинным и имел желания, которые имеют все в пятнадцать лет. У моей матери была красивая горничная. Это произошло в дождливый день – один из тех эротических дней, которые описал Доде. Начинало смеркаться. Я гулял по саду. Вдруг эта девушка подошла ко мне, коснулась моих волос и сказала: “Пойдем!” То, что последовало потом, – сенсация, подобная тем сенсациям, которые мы все испытываем. Но это легкое касание волос и это единственное слово я часто вспоминаю и бываю совершенно счастлив». (Гонкур. «Дневник», 27 января 1878 года).

А ведь крепостная просто выполнила требование барыни. Связь продолжалась ровно столько, сколько считала необходимым Варвара Петровна. Она не препятствовала ночным прогулкам сына на свидание в заброшенный избе, она просто делала вид, что ничего не замечает.

Откуда же Тургенев узнал о столь необычном замысле матери? Вероятнее всего, о том рассказала ему крепостная, которая не могла не полюбить барина всею душою, хотя наверняка и была несколько старше его. Тургенев нигде не упоминал о том, что думал он и как оценивал случившееся. Он тоже увлекся. Да и как не увлечься женщиной, с которой испытал первую близость?! Но что это было за увлечение? Любовь или влюбленность? Ответ ясен.

Мы не находим даже имени той крепостной ни в документах матери, ни, что еще важнее, в творчестве писателя. Ведь свои переживания в четырнадцать лет он запечатлел в повести «Первая любовь». А что здесь? Быть может, он не увидел в предмете своего увлечения того важного, без чего не могут родиться стихи, рассказы, повести? Быть может, увлечение было не самой крепостной, а только лишь ее телом. Ну и наслаждался он именно телом, но не общением со своей пассией. «Своими пассиями» Тургенев впоследствии звал тех барышень, которыми увлекался.

А ведь это горе – горе, когда чистый, непорочный юноша проходит азы близости с развратной женщиной. Горе для юноши. Ну, что касается крепостной, вряд ли ее можно отнести к разряду развратных. Тем не менее она уже была искушена в том, чему должна была научить пятнадцатилетнего барина. Иначе бы Варвара Петровна не дала ей подобного поручения.

Горе? С этим определением нельзя не согласиться. Тургенев выдержал два удара судьбы. Первый – неудача с Шаховской. Второй – хотя он и не казался ударом – близость по заказу, близость не по любви, а по воле матери, задумавшей таким образом преподать ему уроки интимных отношений с женщиной.

«Жизнь пронизана женским началом...»

Однажды, будучи в гостях у писателя Густава Флобера, Тургенев вновь коснулся темы любви: «Вся моя жизнь пронизана женским началом. Ни книга, ни что-либо иное не может заменить мне женщину... Как это объяснить? Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое. А вы как думаете? Послушайте-ка, в молодости у меня была любовница – мельничиха из окрестностей Санкт-Петербурга. Я встречался с ней, когда ездил на охоту. Она была прехорошенькая – блондинка с лучистыми глазами, какие встречаются у нас довольно часто. Она ничего не хотела от меня принимать. А однажды сказала: “Вы должны сделать мне подарок!” – “Чего ты хочешь?” – “Принесите мне мыло!” Я принес ей мыло. Она взяла его и исчезла. Вернулась раскрасневшаяся и сказала, протягивая мне свои благоухающие руки: “Поцелуйте мои руки так, как вы целуете их дамам в петербургских гостиных!” Я бросился перед ней на колени... Нет мгновенья в моей жизни, которое могло бы сравниться с этим!» (Гонкур. «Дневник», 2 марта 1872 года.)

Много лет спустя в повести «Первая любовь» Тургенев сделает вывод: «Размышляя впоследствии о характере моего отца, я пришел к тому заключению, что ему было не до меня и не до семейной жизни; он любил другое и наслаждался этим другим вполне: “Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать – в этом вся штука жизни”, – сказал он мне однажды».

Может быть, причины всех неудач на личном фронте в том, что счастье не раз, казалось, становилось уже вполне возможным, но словно злой рок разрушал все, что намечалось, что пробивалось робкими ростками.

Еще год назад – в год трагической любви к княгине Шаховской – Тургенев поступил на словесное отделение Московского университета. А в следующем, 1834 году он был переведен в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Это случилось после любовных утех в имении. Вероятно, мать решила, что сыну настала пора забыть ту, которая преподавала ему первые уроки близости и к которой он привязался.

Дело о «буйстве помещика Тургенева»

В 1834 году произошло событие, которое едва не привело к серьезным последствиям – Тургенев вполне мог угодить на каторгу.

Все случилось во время зимних студенческих каникул, когда Тургенев приехал в родное Спасское-Лутовиново.

Он сразу заметил отсутствие крепостной девушки Луши, которая обычно встречала его одной из первых. Она была его сверстницей, они вместе росли, и неизвестно, какие их связывали отношения. Об этом история умалчивает.

Тургенев выяснил, что Луша пыталась заступиться за дворового слугу, которого Варвара Петровна собиралась жестоко наказать за какую-то незначительную провинность. Хозяйку Спасского-Лутовинова это взбесило, и она продала Лушу помещице, имение которой находилось по соседству. Помещица та была нрава еще более жестокого, чем Варвара Петровна. Ее даже прозвали Медведихой.

Тургенев попросил вернуть Лушу в имение, но вызвал еще больший гнев Варвары Петровны против нее. И тогда он решился на крайнее – выкрал девушку и спрятал ее в одной из деревень.

Медведихе не стоило большого труда узнать, куда делась ее новая крепостная и кто стоит за исчезновением. Она тут же написала жалобу в жандармское управление, причем все выставила так, будто бы «молодой барин и его девка бунтуют крестьян».

Тут же прибыл капитан-исправник, взял понятых в деревне и явился к избе, где Тургенев прятал Лушу. Но не тут-то было. Тургенев не оставлял Лушу одну и все время после похищения находился рядом с ней. Жандарму он сказал, что девушку не отдаст. Жандарм разозлился и направился к крыльцу. Тогда Тургенев поднял ружье и заявил, что, если тот сделает еще хотя бы один шаг, будет стрелять.

Капитан-исправник отступил. Он вернулся в жандармское управление и написал рапорт, на основании которого возбудили уголовное дело «О буйстве помещика Мценского уезда Ивана Тургенева».

За такой проступок можно было легко угодить на каторгу. Тут уж Варвара Петровна не на шутку испугалась за сына. Но, даже подняв на ноги всех влиятельных друзей, она не смогла окончательно замять дело. Его просто положили под сукно, и последующие двадцать семь лет Тургенев ходил под дамокловым мечом. Дело закрыли только после указа об отмене крепостного права.

И все же Тургенев из этой схватки вышел победителем. Лушу Медведихе он так и не отдал. Ну а мать пошла навстречу, вернула деньги за Лушу, да еще и неустойку заплатила.

Удивительно, что Тургенев никак не отозвался и на это событие в своем творчестве, ведь практически все свои важные жизненные вехи отражал в романах и повестях. А здесь, можно сказать, настоящий джентльменский, даже более того, героический поступок – и тишина.

Мы не знаем, какие отношения связывали его с Лушей. Но если учесть, что он не чурался крепостных, что первой его женщиной была крепостная, можно предположить, что и с Лушей его связывали узы более тесные, нежели дружба. Да ведь он, выкрыв девушку, остался с ней, пока их искали и затевали поимку беглянки.

Есть какая-то тайна и в том, что дело, не доведенное до суда, не было закрыто целых двадцать семь лет. Ведь оно находилось, судя по всему, не в полицейском участке, а в жандармском управлении... А это серьезно. Впрочем, мы попытаемся приоткрыть завесу тайны в последующих главах.

Тогда и постараемся отгадать, почему Тургенев никак не коснулся этой истории в творчестве и не сделал Лушу прототипом одной из героинь своих произведений.

«Пожар на море»

А между тем он отправился в Санкт-Петербург, и любовные страсти юности остались в Москве и в далеком Спасском-Лутовинове.

Это были годы первых публикаций, годы первых, пока еще робких вторжений в мир литературы. А затем – продолжение учебы за границей.

В мае 1838 года Иван Тургенев отправился в Германию на пароходе «Николай I». Это свое путешествие он отразил в очерке «Пожар на море».

Удивительные бывают встречи... На одном с Тургеневым пароходе направлялась к мужу с тремя малолетними дочками Элеонора Федоровна Тютчева, супруга нашего знаменитого поэта.

И вот уже неподалеку от Любека в ночь на 19 мая на пароходе начался пожар. Команде не удалось справиться с огнем, возникла смертельная опасность для пассажиров, и капитан повел корабль к берегу, где посадил на мель. Все бы ничего, да берег оказался скалистым, и даже добравшись до него, рано было думать о спасении. Пароход сгорел полностью на глазах спасенных и спасшихся пассажиров. Пять человек погибли.

Тургенев помогал спасать женщин. Он так описал случившееся: «В это время я приблизился к левому борту корабля и увидел нашу меньшую шлюпку, пляшущую на волнах, как игрушка; два находившиеся в ней матроса знаками приглашали пассажиров сделать рискованный прыжок в нее – но это было нелегко: “Николай I” был линейный корабль, и нужно было упасть очень ловко, чтобы не опрокинуть шлюпки. Наконец я решился: я начал с того, что стал на якорную цепь, которая была протянута снаружи вдоль корабля, и собирался уже сделать скачок, когда толстая, тяжелая и мягкая масса обрушилась на меня. Женщина уцепилась мне за шею и недвижно повисла на мне. Признаюсь, первым моим побуждением было насильно перебросить ее руки через мою голову и таким образом отделаться от этой массы; к счастью, я не последовал этому побуждению. Толчок чуть не сбросил нас обоих в море, но, к счастью, тут же, перед моим носом, болтался, вися неизвестно откуда, конец веревки, за который я уцепился одною рукою, с озлоблением, ссаживая себе кожу до крови... потом, взглянув вниз, я увидел, что я и моя ноша находимся как раз над шлюпкою и... тогда с Богом! Я скользнул вниз... лодка затрещала во всех швах... “Ура!” – крикнули матросы. Я уложил свою ношу, находившуюся в обмороке, на дно лодки и тотчас обернулся лицом к кораблю, где увидел множество голов, особенно женских, лихорадочно теснившихся вдоль борта.

“Прыгайте!” – крикнул я, протягивая руки. В эту минуту успех моей смелой попытки, уверенность, что я в безопасности от огня, придавали мне несказанную силу и отвагу, и я поймал единственных трех женщин, решившихся прыгнуть в мою шлюпку, так же легко, как ловят яблоки во время сбора. Нужно заметить, что каждая из этих дам непременно резко вскрикивала в ту минуту, когда бросалась с корабля, и, очутившись внизу, падала в обморок. Один господин, вероятно, одуревший с перепугу, едва не убил одну из этих несчастных, бросив тяжелую шкатулку, которая разбилась, падая в нашу лодку, и оказалась довольно дорогим несессером. Не спрашивая себя, имею ли я право распоряжаться ею, я тотчас подарил ее двум матросам, которые точно так же без всякого стеснения приняли подарок. Мы тотчас стали грести изо всех сил к берегу, сопровождаемые криками: “Возвращайтесь скорее! Пришлите нам назад шлюпку!” Поэтому, когда оказалось не больше аршина глубины, пришлось вылезать. Мелкий, холодный дождик уже с час как моросил, не оказывая никакого влияния на пожар, но нас он промочил окончательно до костей».

Элеоноре Тютчевой чудом удалось спасти детей и спастись самой. Федор Иванович Тютчев писал впоследствии: «Во время кораблекрушения Элеонора почти не пострадала физически. Но получила тяжелое нервное потрясение...»

И в эти трудные минуты рядом с супругой великого поэта оказался молодой Тургенев, литератор начинающий. Вот как он описал этот момент в очерке «Пожар на море»: «В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Г..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и их нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряженной парой лошадей, за которым я сбегал на верх утесов и которого послал вперед, не нашел нужным дожидаться меня и уехал в Любек со всеми моими спутницами, так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал. Я именно говорю “догорал”, потому что я никогда бы не поверил, что такая “махиница” может быть так скоро уничтожена. Это было теперь не более, как широкое пылающее пятно, недвижимое на море, изборожденное черными контурами труб и мачт и вокруг которого тяжелым и равнодушным полетом сновали чайки, – потом большой сноп золы, испещренный мелкими искрами и рассыпавшийся широкими кривыми линиями уже по менее беспокойным волнам. И только? – подумал я: и вся наша жизнь разве только щепотка золы, которая разносится по ветру?»

Так Тургенев вступил во взрослую жизнь...

Прошли годы, и он написал о своей далекой уже в ту пору юности: «За несколько недель молодости, самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости – отдал бы я не только мою репутацию, но славу действительного гения, если б я был им».

Глупая, изломанная, исковерканная молодость... Она прошла, но оставила отпечаток на всю жизнь. Впрочем, взрослая жизнь не избавила от опеки матери. Мать постоянно наставляла его, да еще как наставляла! Она откровенно радовалась, решив, что Иван стал любовником госпожи Тютчевой. Она писала сыну: «Я тебе советовала прочитать “Сорокалетнюю женщину”. Это мой ответ на письмо о Тютчевой. Я прошу тебя взять эту книгу и прочитать ее. Я тебе искренне желаю такую женщину, старую... Для мужчины такие женщины – состояние. Слава Богу, если ты соединишься с такой на некоторое время».

Что касается этого увлечения, то что-то тут не так – возможно, мать пользовалась ложными слухами, поскольку если Тургеневу и приглянулась эта дама, то она, скорее всего, об этом и не подозревала. Да и жить ей оставалось совсем недолго. Она уже была больна. Наверное, мать не поняла, кем увлечен Иван Сергеевич, а увлечен он был дочерью Тютчева, вовсе не сорокалетней. Но было это несколько позднее.

«И ты срываешь стебель зыбкий...»

Из заграницы Тургенев проехал прямо в Спасское-Лутовиново, к матери. Там-то он встретил белошвейку Авдотью Ермолаевну Иванову, мещанку, приехавшую из Москвы и устроившуюся на работу в имении по вольному найму. Она не была крепостной, а потому на нее не распространялась вся полнота власти суровой владетельницы имения. Тем не менее Варвара Петровна, узнав о том, что сын тайно встречается с девушкой, которая, по ее мнению, да и по существующим правилам, не ровня ему, возмутилась до крайности и решила разорвать эту порочную связь дворянина с мещанкой.

Что же это была за девушка? Вероятно, мы можем найти ее образ в одном из произведений Тургенева. И это, скорее всего, роман «Дворянское гнездо». Отец Лаврецкого любил милую, скромную дворовую девушку. Как это случилось? Да очень просто. После столицы в деревенской глуши было особенно скучно. Вспомним роман:

«Только с матерью своею он (Лаврецкий. – *Н.Ш.*) и отводил душу и по целым часам сживал в ее низких покоях, слушая незатейливую болтовню доброй женщины и наедаясь вареньем. Случилось так, что в числе горничных Анны Павловны находилась одна очень

хорошенькая девушка, с ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она с первого разу приглянулась Ивану Петровичу; и он полюбил ее: он полюбил ее робкую походку... тихий голосок, тихую улыбку; с каждым днем она ему казалась милей. И она привязалась к Ивану Петровичу всей силою души, как только русские девушки умеют привязаться – и отдалась ему. В помещичьем деревенском доме никакая тайна долго держаться не может: скоро все узнали о связи молодого барина...»

Здесь, несомненно, Тургенев описывает свою любовь, которая, впрочем, натолкнулась на серьезное сопротивление матери, действовавшей в сложившейся ситуации своенравно. Варвара Петровна повелела немедленно изгнать белошвейку из Спасского.

Авдотье Ивановой пришлось уехать в Москву. Она сняла комнатку на Пречистенке и продолжила работу на дому. Уехала же беременной и в апреле родила девочку. Дочку вскоре забрали в Спасское, а Авдотья Иванова была стараниями Варвары Петровны выдана замуж. Тургенев вплоть до смерти Авдотьи – она умерла в 1875 году – выплачивал ей пенсию. Очень похоже, что, рассказывая о судьбе дворовой девушки, возлюбленной Ивана Петровича Лаврецкого, Тургенев, как говорится, «скальвал с себя», описывая свое увлечение белошвейкой. Он показал героиню романа «тихим и добрым существом, неведомо зачем выхваченным из родной почвы и тотчас же брошенным, как вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало без следа, это существо, и никто не горевал о нем».

Примерно в 1842—1843 годах Тургенев снова коснулся образа Авдотьи Ивановой в стихотворении «Цветок»:

Тебе случалось – в роще темной,
В траве весенней, молодой
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один – в стране чужой.)
Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.
И ты срываешь стебель зыбкий,
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь с медленной улыбкой
Цветок, погубленный тобой.
И вот идешь дорогой пыльной;
Кругом – все поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.
Он вырастал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.
Так что ж? Напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

«Первая встреча – последняя встреча»

В 1843 году Тургенев написал удивительное стихотворение, впоследствии ставшее романсом, и доныне волнующим сердца. Романс печален, как печальны расставания с любовью. Вот только расставание с какой любовью или с каким страстным увлечением отражено в романсе? Биографы до сих пор спорят, кому посвящены удивительные, проникновенные строфы, то ли милой белошвейке, подарившей Тургеневу дочь, то ли другой его возлюбленной – сестре в будущем известного анархиста, фактически ставшего идеологом анархизма, Михаила Александровича Бакунина. Вспомним этот замечательный романс:

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.
Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно и нежно ловимые,
Первая встреча, последняя встреча,
Тихого голоса звуки любимые.
Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая говор колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Итак, 1841 год. Тургенев вернулся из-за границы и сразу отправился в Спасское-Лутовиново. Летом его озарил роман с белошвейкой, жестко прерванный матерью. Вот тогда, наверное, и вспомнил он о приглашении в Премухино, имение Бакуниных. Пригласил в гости Михаил Бакунин, с которым Тургенев сдружился во время заграничной своей учебы. Но пригласил к братьям и сестрам, поскольку сам оставался в это время за границей.

Еще из Берлин он писал домочадцам письма, в которых постоянно упоминал о своем новом друге Иване Тургеневе. Бакунин прямо говорил, что дружбу с Тургеневым считал «счастливым событием в своей жизни».

Собираясь в Премухино, Тургенев просил Бакунина: «... Скажи им обо мне, как о человеке, который тебя любит; больше ничего».

И вот когда весной 1841 года, закончив слушание намеченного цикла университетских лекций, Тургенев стал готовиться к отъезду в Россию, Бакунин написал своим братьям и сестрам, что друг его оставляет Берлин и скоро обязательно посетит Премухино. «Примите его, как друга и брата, потому что в продолжение всего этого времени он был для нас и тем и другим, я уверен, никогда не перестанет им быть. После вас, Бееровых и Станкевича он единственный человек, с которым я действительно сошелся. Назвав его своим другом, я не употреблю всеу этого священного и так редко оправдываемого слова... Он делил с нами здесь и радость и горе... Он не может вам быть чужим человеком. Он вам много, много будет рассказывать о нас и хорошего, и дурного, и печального, и смешного. К тому же он мастер рассказывать – не так, как я, – и потому вам будет весело и тепло с ним. Я знаю, вы его полюбите».

Тургенев из рассказов Бакунина еще задолго до поездки знал, что у того шесть братьев и четыре сестры. С двумя младшими братьями Михаила – Алексеем и Александром – даже успел познакомиться в Москве.

Они были восхищены Тургеневым и писали брату Михаилу: «Чудный, живой, одухотворяющий человек! Как он рассказывает! Будто сам вместе с ним все видишь и переживаешь!...»

И вот осенью 1841 года Иван Сергеевич отправился в Тверскую губернию, в Премухино. Он уже знал о том, что все четыре сестры его друга Михаила Бакунина – Варвара, Любовь, Александра, Татьяна – посещали в Москве философский кружок Станкевича.

Знал он и о несчастливой судьбе сестер.

Старшая сестра, Любовь Александровна, полюбила писателя и публициста Николая Владимировича Станкевича. Они и познакомились на занятиях кружка. Однажды Михаил Бакунин пригласил Николая Станкевича погостить в имении Бакуниных Премухино. Там знакомство Любы и Николая переросло в любовь. И он даже сделал предложение... Однако вскоре ему пришлось ехать в Москву. Правда, и после отъезда отношения не только не прекратились, но развивались с помощью нежных и ласковых, искренних писем. Но чем ближе был день свадьбы, тем прохладнее становилось отношение жениха к невесте. В конце концов, он понял, что любовь ушла и женитьба не принесет счастья ни ему, ни его невесте.

Люба была достаточно проницательна, чтобы не понять всего трагизма ситуации. Станкевич же молчал, полагая, что стоит объявить о разрыве, как это убьет девушку, чрезвычайно мечтательную, эмоциональную.

Трудно сказать, как бы он вышел из этого положения, но тут подкралась серьезная болезнь, и врачи стали настаивать на его лечении за границей.

Он решил выполнить их требования, но вначале поехал не за границу, а на Кавказ, на воды, так и не решившись на объяснения с невестой. Даже не простился с нею. Понимал, что при прощании вынужден будет сказать всю правду о своих угасших чувствах. Целебные воды Кавказа не принесли облегчения. Оставались надежды на заграницу.

В 1837 году он вынужден был отправиться на лечение в Карловы Вары. А в это время в Берлинском университете учились Грановский и Неверов.

Что тут поделать? Станкевич не выдержал и отправился к ним. Решил вернуться к студенческой жизни, поселился у своей сестры и организовал философский кружок, в котором вскоре появились Иван Тургенев и Михаил Бакунин.

Но прогрессирующая болезнь заставила отправиться в Италию уже для более серьезного лечения.

Взятый за горло жестокой болезнью, он продолжал надеяться, что Любовь Александровна простит его именно по причине болезни, что она еще некоторое время будет в плену иллюзий по поводу их отношений. Но любящее сердце молодой женщины нельзя обмануть. Люба видела перемену в их отношениях и сделала верные, хоть и печальные, для себя выводы.

Разлука безо всяких надежд на встречу, во всяком случае, на встречу радостную, сразила ее. А тут прибавилась неопределенность положения – еще недавно она была невестой, но кем же стала теперь, после отъезда без прощания? Она умерла в августе 1838 года от чахотки.

Смерть некогда любимой женщины отразилась и на Николае Станкевиче.

Он написал: «В ней я потерял не ту, которую любил, но которой жизнь, может быть, сделал бы безотрадной. Судьба кончила все, как обыкновенно кончает: она разложила вину. Ее память освещает душу мою, которую сушила неестественность положения».

Он часто повторял, что разлюбил Любовь, которая осталась для него вечным духовным идеалом.

Вскоре чахотка сразила и его. Судьбе было угодно распорядиться так, что умирал он на руках у Варвары Александровны, сестры его позабытой любви. Она нашла его в Италии за месяц до смерти.

Нелегкой была судьба Варвары Александровны. Она вышла замуж за тверского помещика Дьякова, но вскоре поняла, что не любит его и даже обществом его тяготится. Взяв трехлетнего сына Александра, она уехала за границу и уже там узнала, что Николай Станкевич в Италии. Они встретились. Это была особенная встреча. Тогда, внутренне свободные – он от романа с ее сестрой, она – от необходимости быть с мужем, поняли, что давно уже любят друг друга. Но и тут не суждено было насладиться счастьем любви. Николай Станкевич угасал на глазах и в один из дней заснул, измученный болезнью, у нее на руках. Во сне перестало биться сердце.

Обо всем этом Тургенев знал, отправляясь в гости к Бакуниным.

Усадьба их располагалась на живописном берегу реки Осуга в селе Премухино Кувшиновского уезда Тверской губернии (ныне Прямухино Кувшиновского района Тверской области). В первой половине XIX века там нередко гостили известные литераторы, деятели культуры. Приезжали в гости Виссарион Белинский, Тимофей Грановский, а позднее Лев Толстой (1881) и Максим Горький (1897). Горький даже поселился неподалеку, в Кувшиново.

Возможно, «Жизнь Клима Самгина» написана под влиянием впечатлений от этих мест.

Ну а жизнь Бакуниных в усадьбе отразил не раз приезжавший в имение Том Стоппард в пьесе «Берег утопии». Имение славилось большим живописным парком, который спускался от главного входа в господский дом к берегу Осуги.

В 1830—1840-х годах семья Бакуниных играла значительную роль в развитии русской общественной мысли и литературы тех времен, благодаря своей связи с кружком Станкевича. В 1836 году Михаил Бакунин построил в Прямухино Троицкую церковь, которая сохранилась до наших дней.

Но имение привлекало не только своим живописным расположением, но и конечно же своими обитателями.

И вот Тургенев прибыл в эти чудные края. Стоял октябрь 1841 года. Среди сестер Михаила, вышедших встречать Ивана Сергеевича, была и младшая из них, Татьяна Александровна Бакунина. Тургенев не мог не обратить на нее внимания сразу, с первого взгляда. Что это было за создание?! Белинский, приезжавший в Премухино несколько раньше, написал: «Что за чудное, прекрасное создание Татьяна Александровна! Эти глаза, темно-голубые и глубокие как море; этот взгляд внезапный, молниеносный, долгий как вечность, по выражению Гоголя; это лицо кроткое, на котором еще как будто не изгладились следы жарких молений к небу – нет, обо всем этом не должно говорить, не должно сметь говорить».

Такой и увидел ее Тургенев, который, однако, не сразу поддался своим чувствам. И были на то причины. Татьяне Александровне шел двадцать седьмой год. Тургеневу исполнилось двадцать три. С ней было интересно, поскольку образование получила она прекрасное, много читала, великолепно музицировала, говорила на нескольких языках. Разбиралась в искусстве, любила поэзию.

Сближение с Тургеневым произошло именно на почве философии. Причем инициатором этого сближения была сама Татьяна. Да это и понятно. Когда девушке идет двадцать седьмой год, неизбежно возникает тоска по уходящей молодости. И все более призрачными становятся мечты о сказочном принце, который все никак не является пред ее очами.

И вот он появился! И его имя Иван Тургенев. О нем писал Михаил, им восхищались младшие братья Александр и Алексей.

Татьяну не могли не охватить волнения и смутные предчувствия чего-то необыкновенного, значительного, что могло произойти в ее жизни и судьбе.

С Тургеневым и время летело незаметно. Они обсуждали философские книги, совершали прогулки по прекрасному парку, спускаясь к берегу реки. Любовались живописными пейзажами и говорили, говорили, говорили...

Тургенев еще ничего не подозревал, а Татьяна уже начинала думать, что все не случайно, что, наконец, в жизни ее появился избранник... Все восхищало в нем: и манера говорить, и страстность в оценке людей, событий, книг. К тому же Тургенев был красив.

«Он был очень красив», – написал о нем князь Петр Алексеевич Кропоткин. Кстати, именно Кропоткин оставил великолепный словесный портрет писателя: «Внешность Тургенева хорошо известна. Он был очень красив: высокого роста, крепко сложенный, с мягкими седыми кудрями. Глаза его светились умом и не лишены были юмористического огонька, а манеры отличались той простотой и отсутствием аффектации, которые свойственны лучшим русским писателям. Голова его сразу говорила об очень большом развитии умственных способностей...»

Не случайно Ивану Сергеевичу симпатизировали многие женщины, не случайно ему удавалось заводить романы довольно легко.

Роман с Татьяной Бакуниной нашел свое отражение в рассказе «Андрей Колосов» и целом ряде стихотворений.

Вот одно из них, посвященное именно Татьяне Бакуниной:

Осенний вечер... Небо ясно,
А роща вся обнажена —
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа
Нет – по песку аллея широких
Все улеглись – и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.

1842

Сначала возникла дружба. И Тургенев, и Татьяна увлекались в то время немецкой идеалистической философией. Их сблизила не только философия, скорее наоборот – философия одновременно и сблизжала и отталкивала. Были на то причины. Их сблизили стихи. И хотя Тургенев прогостил в Премухине всего шесть дней, он успел за это время пройти сердечный путь от дружбы до симпатии, от симпатии до влюбленности, в которой, впрочем, признался себе не сразу, а может быть, и от влюбленности до любви. Те немногие дни, все напролет, они проводили вместе. Более всего Татьяна Бакунина любила, когда Тургенев читал ей стихи, причем читал он не только и не столько свои. Он читал стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Кольцова.

Впоследствии Татьяна Бакунина вспоминала, как однажды Тургенев сказал ей: «Поэзия – язык богов. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотой и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия».

Поначалу Тургенев, который был все-таки моложе на три года, воспринимал Татьяну, как старшую сестру. И часто сестрой и называл. Это совсем не нравилось Татьяне, поскольку увлечение юным писателем росло день ото дня. Но однажды Иван Сергеевич назвал Татьяну своей Музой. Это вдохновило ее, заставило поверить в то, что и он увлечен ею, что вот-вот последует объяснение в любви. Но Тургенев еще и сам не понимал, каково его истинное отношение к молодой и очень привлекательной женщине.

Настала пора отъезда. Иван Сергеевич с грустью покидал Премухино, где даже за столь короткий срок все стало для него родным и близким.

Встретившись в Москве с братом Татьяны Алексеем, он попросил написать в Премухино, что навсегда останутся в его памяти дни, проведенные там, что он всех любит бесконечно.

А потом вдруг решил написать Татьяне сам. Письмо завершалось несколько загадочно...

«Я знаю, что вы не любите, когда вам говорят о вашем здоровье. Я хотел бы сказать одно. Вам должно бы знать, что ваша жизнь может приобрести и для других высокое и святое предназначение – да и кто знает, не случилось ли это уже?»

Что означают эти фразы? Уж не то ли, что вовсе не платоническим был Премухинский роман? Высокое и святое предназначение? Политика? Философия? А может быть, материнство?

А в следующем письме уже высказал желание встретиться, но тут же и огорчил Татьяну тем, что не с нею одной он мечтает о встрече: «Приезжайте в Москву, милые, милые мои сестры! Прошу помнить обо мне, и знайте (как Пушкин сказал), что

Ваша тихая пустыня,
Последний, грустный звук речей,
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей».

Татьяна была влюблена, а потому часто выдавала желаемое за действительное. Она стремилась не замечать обращение к сестрам, старалась обратить все на себя. Она не знала, как вести себя, она торопила события, не в силах сдерживать чувства, и решилась на объяснение: «...расскажите, кому хотите, – писала она, – что я люблю Вас, что я унизилась до того, что сама принесла к ногам Вашим мою непрошеную, мою ненужную любовь. И пусть забросают меня камнями...»

Тургенев не ожидал такого поворота и написал: «Я никогда ни одной женщины не любил более Вас, хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью».

Вскоре и сама Татьяна осознала, что Тургенев не любил ее и «все это было не более как фантазия разгоряченного воображения». И тем не менее Премухинский роман оставил заметный след в творчестве писателя.

«Не быть нам никогда с тобой...»

Через три года после памятной поездки у Тургенева родился замысел рассказа «Переписка». Он начал работу над ним, но что что-то мешало, не давало развернуться, окунуться во всю глубину происшедшего.

Так и не получился рассказ с первого захода. Он отложил его и вернулся к работе над ним лишь спустя десять лет, причем снова, как и в повести «Первая любовь», не скрывал, кто является прототипами произведения, а в тексте использовал письма Татьяны Бакуниной к нему и свои письма к ней.

Марья Александровна в рассказе, несомненно, Татьяна Александровна. Тургенев прячет авторство – он ведет рассказ от первого лица, но о переписке повествует герой рассказа.

«Я бы мог вам рассказать кое-что о Марье Александровне, любезный читатель, но вы ее узнаете сами из ее писем». Явный намек на узнаваемость Татьяны Александровны. Далее как бы представление читателю героя...

«...Он находился тогда в Петербурге, внезапно уехал за границу, занемог и в Дрездене умер. Я решился напечатать его переписку с Марьей Александровной...»

Вот строки из писем от Алексея Петровича к Марье Александровне, использованных в рассказе: «...я не стану предлагать вам мою дружбу и т.д.; я вообще чуждаюсь торжественных речей и “задушевных” излияний. Начав писать это письмо, я просто следовал какому-

то мгновенному влечению; если во мне таится другое чувство, пусть оно и останется пока под спудом...»

А вот следующее письмо из рассказа: «...В молодости меня занимало одно: мое милое я; я принимал свое добродушное самолюбие за стыдливость; я чуждался общества – и вот теперь я сам себе надоел страшно. Куда деться? Я никого не люблю; все мои сближения с другими людьми как-то натянуты и ложны; да и воспоминаний у меня нет, потому что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кроме собственной моей особы. Спасите меня; вам я не клялся восторженно в любви; вас я не оглушал потоком болтливых речей; я довольно холодно прошел мимо вас, и оттого именно решаюсь теперь прибегнуть к вам. (Я и прежде об этом подумывал, да вы тогда не были свободны...) Среди всех моих самодельных ощущений, радостей и страданий, единственно истинным чувством было то небольшое, но невольное влечение к вам, которое завяло тогда, как одинокий колос среди негодных трав... Дайте мне хоть раз посмотреть в лицо другое, в другую душу – мое собственное лицо мне опротивело; я похож на человека, который был бы осужден весь свой век жить в комнате с зеркальными стенами... Я не требую от вас никаких признаний – о, Боже, нет! Подарите меня безмолвным участием сестры или хоть простым любопытством читателя – я вас займу, право займу».

Вспомним стихотворение в прозе «Как хороши, как свежи были розы» и еще одно... «В дороге», ибо между ними много сходства. И это сходство далеко не случайно. В этом позднем своем произведении Тургенев мысленно возвращается в юность и вспоминает «веселый шум семейной деревенской жизни», увлечение юной красавицей.

Во второй строфе стихотворения «В дороге» появляется противоречие – дается конкретное сопоставление пережитого прошлого и новых умонастроений поэта. В кругу, который он оставил, много и увлеченного говорили («Вспомнишь обильные страстные речи...»), но сам автор рассказывает об этом предельно лаконично. Его память удержала не столько содержание разговоров, сколько взгляды, мимолетные впечатления и переживания кризисных моментов отношений («первые встречи, последние встречи»).

Письма Татьяны Бакуниной к Тургеневу носили отпечаток господствующего тогда стиля «романтических излияний», вошедших в ту пору в моду. Молодежь конца 1830 – начала 1840-х годов заразилась идеализмом, которому и был свойственен многословный, преувеличенно-эмоциональный стиль изложения. Тургенев не принимал такое повествование, не подражал ему в своих письмах и первых художественных произведениях. Это самое неприятие в значительной степени повлияло на его личную, тургеневскую манеру выражения мысли, на изображение чувств героев произведений. Он придерживался более лаконичного письма. Быть может, именно переписка с Татьяной Бакуниной сыграла роль в выработке стиля повествования и помогла быстро избавиться от романтизма, столь популярного в то время.

К примеру, в очерке «Татьяна Борисовна и ее племянник» он даже издевался над непомерно возвышенными оборотами речи восторженной девицы и, повествуя о романе ее со студентом, показал, как своими «экстатическими, эффектированными» речами и письмами Татьяна Борисовна буквально «довела... юношу до мрачного состояния».

Таким образом, Тургенев выбросил из своего творчества неуместные, по его мнению, обороты болезненного романтизма. Это мы видим уже в стихотворении «В дороге». В нем особенно ярко проявились особенности творческого сознания писателя. В русской поэзии особенно популярным был «образ дороги». Достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова... Правда, у Пушкина образ дороги порою ассоциировался с «бессодержательностью подобной поэзии». В «Евгении Онегине» есть такие строки:

...Зато зимы порой холодной

Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка...

«Премухинский» роман вылился в новый творческий порыв. Сколько стихотворений посвящено Татьяне Бакуниной! Это и «В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный...»:

В ночь летнюю, когда, тревожной грусти полный,
От милого лица волос густые волны
Заботливой рукой
Я отводил – и ты, мой друг, с улыбкой томной
К окошку прислонясь, глядела в сад огромный,
И темный и немой...
В окно раскрытое спокойными струями
Вливался свежий мрак и замирал над нами,
И песни соловья
Гремели жалобно в тени густой, душистой,
И ветер лепетал над речкой серебристой...
Покоились поля.
Ночному холоду предав и грудь и руки,
Ты долго слушала рыдающие звуки —
И ты сказала мне,
К таинственным звездам поднявши взор унылый:
«Не быть нам никогда с тобой, о друг мой милый,
Блаженными вполне!»
Я отвечать хотел, но, странно замирая,
Погасла речь моя... томительно-немая
Настала тишина...
В больших твоих глазах слеза затрепетала,
А голову твою печально лобызала
Холодная луна.

Ноябрь 1843

Премухинский цикл это и «Когда с тобой расстался я...», и «Долгие, белые тучи плывут...», и «Дай мне руку – и пойдём мы в поле...».

Когда с тобой расстался я —
Я не хочу таить,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить...
А вот «Долгие, белые тучи плывут...»:
Долгие, белые тучи плывут
Низко над темной землею...
Холодно... лошади дружно бегут,
Еду я поздней порою...
Еду – не знаю, куда и зачем.
После подумать успею.
Еду, расставшись со всеми – совсем,
Со всем, что любить я умею.

Молча сидит и не правит ямщик...
Голову грустно повесил.
Думать я начал – и сердцем поник,
Так же, как он, я невесел.

«Дай мне руку – и пойдем мы в поле...»

Чем дальше уносило время от той прекрасной поездки, тем острее чувствовалась грусть по минувшему. Тургенев писал все новые и новые стихи. Это были страницы его романа с Татьяной Бакуниной. Страницы – в поэзии, наверное, более яркие, чем в жизни. Каждое стихотворение, как песня. Каждое – поэтический шедевр.

Дай мне руку, и пойдем мы в поле,
Друг души задумчивой моей...
Наша жизнь сегодня в нашей воле,
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя.
Все, о чем томились мы, что любим, —
Позабудем до другого дня...
Пусть над жизнью пестрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь...
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.
Ах, сойтись бы я хотел с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
«Но к чему, не снова ли былое
Повторят?» – мне отвечаешь ты.
Позабудь все тяжкое, все злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущен и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озеро не просится волна...
Посмотри... как небо дивно блещет,
Наглядись, а там кругом взгляни.
Ничего напрасно не трепещет,
Благодать покоя и любви...
Я в себе присутствие святыни
Признаю, хоть недостойн ей.
Нет стыда, ни страха, ни гордыни.
Даже грусти нет в душе моей...
О, пойдем, и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной, —

Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживем.
Этот день, быть может, – день спасенья.
Может быть, друг друга мы пойдем.

Весна 1842

Так что же это было? Простое увлечение? Мимолетная влюбленность? А может, все-таки любовь?

Под впечатлениями романа с Татьяной Бакуниной написаны повести «Андрей Коло-сов» в 1844 году, «Переписка» в 1854 году и сатирический рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник» в 1848 году.

Все эти произведения явились как бы отражением юношеских увлечений Тургенева, его первой влюбленности, а может и любви, хотя биографы склонны считать, что была у писателя лишь одна настоящая всепобеждающая любовь – любовь к Полине Виардо. Но так ли это?

«Кто сказал, что некрасива?»

Осенью 1843 года Тургенева захватило новое чувство, едва ли не самое сильное в его жизни. 1 ноября 1843 года он был представлен Полине Виардо, которую незадолго до того увидел на сцене, в опере.

Имя Полина Виардо было широко известно. Причем в России оно известно до сих пор, и известно не просто так – имя певицы связано с Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Полина Виардо приехала на гастроли в Россию в 1843 году, когда ей было всего 22 года, но в этом возрасте она уже покорила Европу настолько, что известный французский композитор, дирижер, музыкальный писатель того времени Гектор Берлиоз назвал «одной из величайших артисток прошлой и современной истории музыки».

Она буквально взрывала театральные залы Европы необыкновенной манерой исполнения. Певица – в жизни, по отзывам современников, некрасивая – на сцене словно пере-рождалась. А некрасива она была настолько, что Генрих Гейне сравнил ее внешность «с экзотическим и чудовищным пейзажем, некой стихией, самой Природой».

И, несмотря на это, ее обожала публика.

Полина Виардо вдохновила Жорж Санд на создание образа героини ее знаменитого романа «Консуэлло». А была она роста невысокого, сутулилась, буквально отталкивали выпуклые крупные глаза, делавшие черты лица почти мужскими. Поистине «экзотический и чудовищный пейзаж». Когда выходила на сцену, все поражались некрасивостью, но едва начинала петь, зрители приходили в восторг. Современник Виардо французский композитор, органист, дирижер, музыкальный критик и писатель Шарль-Камиль Сен-Санс отмечал, что «...ее голос, не бархатистый и не кристально-чистый, но скорее горький, как померанец, был создан для трагедий, элегических поэм, ораторий».

Так кто же она, женщина, покорившая Тургенева?

Полина Виардо родилась в 1821 году. Ее крестной матерью стала княгиня Прасковья Андреевна Голицына, которая и дала ей имя Полина. Это событие связало будущую певицу с Россией почти с рождения, хотя кто тогда мог предположить, что ей выпадет судьба стать вдохновительницей великого русского писателя, по мнению современников, «одного из самых неистовых певцов высокого чувства Любви!».

Отцом Полины Виардо был известный во Франции тенор Парижского итальянского театра Мануэль Гарсиа. Имя его, как певца, гремело на всех европейских сценах, но, кроме того, был еще и композитором. Песни его были особенно популярны на родине, в Испании.

Мать Полины, Хоакина Сичес, имела неотразимую внешность. Ее называли украшением Мадридского драматического театра...

Полина была второй дочерью Мануэля и Хоакины. Она наблюдала, как родители пытались привить любовь к музыке своей старшей дочери – старшей сестре Полины – однако им практически не удавалось сделать этого.

Полину же рояль притягивал как магнит. Когда началось обучение, она дни напролет проводила за клавишами. Сначала отец сам занимался с ней, но затем, когда увидел замечательные успехи, пригласил в учителя знаменитого Ференца Листа.

Сен-Санс писал о Листе: «Когда время сотрет лучезарный след самого великого из всех когда-либо существовавших пианистов, оно запишет в свой золотой фонд имя освободителя оркестровой музыки».

Полине легко давались не только уроки музыки, но и изучение языков. Она хорошо говорила по-испански, по-итальянски, по-французски и по-английски...

Уже в шестнадцать лет в 1837 году она начала выступать в гостиных и салонах, а вскоре стала принимать участие в концертах. Успехи на сцене привели к тому, что она отправилась в Германию в свое первое концертное турне. Затем ее встретил Париж. Там старший брат Родригес Гарсиа, Мануэль Патрисио преподавал пение в Парижской консерватории. Впоследствии (1848—1895) он стал профессором Королевской академии музыки в Лондоне.

Кстати, именно в Лондоне состоялся дебют Полины Виардо как оперной певицы. Она исполняла партию Дездемоны в «Отелло».

В театре присутствовал директор Итальянской оперы в Париже Людовик Виардо. Восхищенный ее голосом, он пригласил певицу в парижский театр. В Париже Полина увлеклась французским поэтом Альфредом де Мюссе. Тогда он уже получил известность не только как поэт, но и как драматург и прозаик. Был хорош собою, молод, и девятнадцатилетняя певица готова была отдать ему руку и сердце.

И тут ей сделал предложение Людовик Виардо.

Певица оказалась перед выбором. И тогда на помощь пришла знаменитая Жорж Санд, считавшая Альфреда де Мюссе весьма ветреным и непригодным для семейной жизни человеком. Она сумела убедить юную певицу дать согласие серьезному и уравновешенному Людовику Виардо, которого все звали в своем кругу Луи Виардо, хотя он и был много старше. Правда, сама Жорж Санд называла его «печальным, как ночной колпак», но все же считала, что даже неплохо, что он является в некотором отношении антиподом страстной и энергичной Полины.

Иван Сергеевич Тургенев, в ту пору совсем еще молодой литератор, увидел Полину Виардо на сцене, когда она исполняла в опере «Севильский цирюльник» партию Розины.

Позднее он вспоминал о том впечатлении: «Не успела еще Виардо-Гарсиа кончить свою арию, как плотина прорвалась: хлынула такая могучая волна, разлилась такая буря, какой я не видывал и не слыхивал. Я не мог дать себе отчета, где я? Что со мной делается? Помню только, что и сам я, и все кругом меня кричало, хлопало, стучало ногами и стульями, неистовствовало. Это было какое-то опьянение, какая-то зараза энтузиазма, мгновенно охватившая всех снизу доверху, неудержимая потребность высказаться как можно горячее и энергичнее».

А ведь еще несколько минут назад впечатление было совершенно иным.

Едва Полина Виардо появилась на сцене, по залу пролетел шумок, ему вторили ложи... «Некрасива! Как некрасива!»

Тургенев тоже подумал: «В самом деле, некрасива!»

Но вот Полина Виардо запела... И тут же вся преобразилась, засверкали волшебным светом глаза. В зал полились непревзойденные звуки. И Тургенев подумал: «Кто сказал некрасива? Какая нелепость? Да ни одной черты нельзя изменить в этом прекрасном лице!»

Так двадцатипятилетний пока еще почти неизвестный публике писатель Иван Тургенев впервые увидел любовь, которая, как считается до сих пор, стала любовью всей его жизни. Увидел и был совершенно сражен и очарован певицей.

Что же случилось? В чем причина столь быстрого и столь сильного увлечения. Конечно же в необыкновенном таланте актрисы, в ее страстности, непосредственности, в ее искренности на сцене. Она вживалась в свои роли, она горела и едва ни сгорала в них. Оперный певец Рубини, современник Полины Виардо, не раз говорил ей после окончания спектаклей: «Не играй так страстно: умрешь на сцене!»

Иван Тургенев сделал все, чтобы быть представленным певице. Ему удалось познакомиться на охоте с мужем Полины – директором Итальянского театра в Париже, известным критиком и искусствоведам – Луи Виардо. 1 ноября 1843 года Иван Сергеевич был представлен и самой Полине.

У певицы в то время было множество поклонников. Тургенев же еще не был известен, а потому, казалось, совершенно не имел шансов. Его представили, как русского помещика, даже вовсе не писателя – о том ни слова. Сообщили лишь, что он автор нескольких посредственных стихотворений. Вполне естественно, певица поначалу и не обратила на него особого внимания. Однако настойчивость Тургенева растопила сердце, и певица попросила своего обожателя помочь ей в изучении русского языка, без хорошего знания которого сложно петь романсы. Русские романсы ей нравились все больше, по мере того как она прикасалась к этому бездонному кладезю.

Между тем окружающим было видно, что Тургенев увлечен сильно и страстно.

Любовь или тайная война?

Варвара Петровна Тургенева совсем не разделяла увлечения сына и пыталась помешать развитию каких-либо отношений, хотя даже она не могла не отметить таланта певицы. Однажды заявила: «Хорошо поет эта цыганка». Виардо была испанкой.

Остается загадкой, каким образом смог Тургенев против воли матери уехать после окончания гастролей вместе с Виардо и ее мужем в Европу. Ведь такая поездка требовала средств, а он еще не был известен ни в России, ни тем более в Европе, еще не выходили его книги, еще не было никакого дохода.

Муж Полины Виардо был старше ее на 21 год. И при всем при этом он, судя по отзывам современников, совершенно спокойно взирал на то, как ухаживал Тургенев за его женой, даже не противился тому, что Тургенев часто останавливался в его имении.

Почему же? Ничего не замечал? Или, как считают некоторые биографы, просто «полагался на ее благоразумие».

Давайте подумаем, каким образом Тургеньеву удалось отправиться в заграничное путешествие, если мать, Варвара Петровна, была категорически против этой поездки и не дала на нее денег. Или, может быть, супруг возлюбленной Иваном Сергеевичем Полины Виардо взял его за границу за свой счет? Нет, напротив, в одном из очерков о Тургеньеве проскользнула мысль, что муж певицы не препятствовал отношениям Полины с Тургеньевым, поскольку эти отношения сулили материальные выгоды. Какие же? Каким образом он мог получить что-то за приглашение Тургеньева сопровождать молодую жену?

Здесь кроется какая-то тайна. Увлеченные чтением романов Тургеньева, занятые изучением его биографии, составленной так, что писатель показан целомудренным аскетом, мы не замечали многих нестыковок. И вот в 1999 году появились мемуары Юрия Дроздова «Записки начальника нелегальной разведки».

Обратимся к предисловию, сделанному автором. Оно называется: «Между большими войнами ведется война тайная».

И вот тут мы находим удивительный факт: «В нашей истории всегда существовало деление на две части: военную разведку и разведку князя, императора, канцлера, как это было в елизаветинские и екатерининские времена. К концу XIX века во всех генерал-губернаторствах существовали тайные отделения, в которых сидели офицеры второго отдела управления генерального штаба и которые занимались разведкой, в том числе нелегальной.

Среди наших тогдашних разведчиков, в первую очередь разведчиков-нелегалов, было очень много выдающихся людей, большая часть которых известна нам как писатели, исследователи и путешественники. Тут можно вспомнить Пржевальского, Ивана Сергеевича Тургенева. Если взять период Отечественной войны 1812 года, то это – Александр Фигнер, а если уйти еще дальше в историю, можно вспомнить монаха Иакинфа Бичурина, известного своими исследованиями по Китаю».

Сведения о том, что Иван Сергеевич Тургенев был резидентом разведки Генерального штаба Русской армии в Европе, просачивались давно. Это уже совсем не тайна. О том, что Тургенев был резидентом, писал Юрий Яковлев, автор нашумевшей книги «ЦРУ против СССР», об этом проговаривался в бытность свою председателем КГБ, Андропов.

Каким образом Тургенев стал разведчиком? Прямых свидетельств об этом, по понятным причинам, нет. Тогда подобные факты держались в секрете. К примеру, о созданной Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли перед Отечественной войной Особенной канцелярии – первого официального разведывательного органа в России – известно до крайности мало. А тут речь о резиденте... Любая утечка может привести к гибели разведчика в чужой стране.

Как тут не вспомнить мужественное заступничество Тургенева за крепостную матери, проданную жестокой соседке помещице. Ведь тогда Тургенев едва избежал суда, который, несомненно, приговорил бы его к каторге. И снисхождений бы не было – он ведь еще не стал известным всей России писателем. Суда не было, но Тургенев находился в течение двадцати семи лет под следствием... Может быть, именно тогда ему предложили нелегальную работу за рубежом? Вот и ответ на вопрос, на какие деньги выехал он за границу вместе с семьей Виардо? Вот и объяснение, почему мужу Полины было выгодно с материальной точки зрения приютить писателя. Насколько была посвящена в эту операцию семья Виардо, сказать трудно. Возможно, глава семьи просто клюнул на «богатого» помещика – о том, что у Тургенева не было денег своих, он мог и не знать.

По поводу того, что Тургенев влюбился без памяти, можно сказать, с первого взгляда, русская писательница Авдотья Панаева, его современница, писала: «Такого влюбленного, как Тургенев, я думаю, трудно было найти другого. Он громогласно всюду и всех оповещал о своей любви к Виардо, а в кружке своих приятелей ни о чем другом не говорил, как о Виардо, с которой он познакомился».

И снова вопрос, почему «громогласно всюду и всех оповещал о своей любви» именно к Полине Виардо? О других увлечениях он громогласно никого не оповещал. Да, о них можно было прочитать в произведениях, но рассказывал он о них редко и далеко не всем.

«Позвольте мне упасть к Вашим ногам?»

Создают мнение о большой любви Тургенева к Полине Виардо его необыкновенные письма:

«Я ходил сегодня взглянуть на дом, где я впервые семь лет тому назад имел счастье говорить с Вами. Дом этот находится на Невском, напротив Александринского театра; Ваша квартира была на самом углу, – помните ли вы? Во всей моей жизни нет воспоминаний более дорогих, чем те, которые относятся к вам... Мне приятно ощущать в себе после семи лет все то же глубокое, истинное, неизменное чувство, посвященное Вам; сознание это действует

на меня благодетельно и проникновенно, как яркий луч солнца; видно, мне суждено счастье, если я заслужил, чтобы отблеск Вашей жизни смешивался с моей! Пока живу, буду стараться быть достойным такого счастья; я стал уважать себя с тех пор, как ношу в себе это сокровище. Вы знаете, – то, что я вам говорю, правда, насколько может быть правдиво человеческое слово... Надеюсь, что вам доставит некоторое удовольствие чтение этих строк... а теперь позвольте мне упасть к Вашим ногам».

Вот так – один взгляд и почти сорок лет страстной, неподражаемой, всепобеждающей любви. Любви, споры о которой не смолкают почти два столетия. Любви почти постоянной, которую не смогли победить даже случавшиеся время от времени увлечения Тургенева и даже попытки построить семейную жизнь. Они наталкивались на его чувства к Полине Виардо и не могли победить их, а не имея возможности победить, погибали.

Письма же свидетельствуют и о неизменности писателя. Они говорят сами за себя. Письмо из Санкт-Петербурга. Вторник, 1 ноября 1850-го. После знакомства прошло ровно семь лет, но Тургеневу все памятно, все дорого: «...Дал бы Бог, чтобы мы могли провести вместе следующую годовщину этого дня и чтобы и через семь лет наша дружба оставалась прежней...»

А уже 7 ноября 1850-го написано следующее: «Дорогая моя, хорошая m-me Виардо, teuerste, liebste, beste Frau, как вы поживаете? Дебютировали ли вы уже? Часто ли думаете обо мне? Нет дня, когда дорогое мне воспоминание о вас не приходило бы на ум сотни раз; нет ночи, когда бы я не видел вас во сне. Теперь, в разлуке, я чувствую больше, чем когда-либо, силу уз, скрепляющих меня с вами и с вашей семьей; я счастлив тем, что пользуюсь вашей симпатией, и грустен оттого, что так далек от вас! Прошу небо послать мне терпения и не слишком отдалять того, тысячу раз благословляемого заранее момента, когда я вас снова увижу!»

И снова письма, письма, письма: «Уверяю Вас, что чувства, которые я к Вам испытываю, нечто совершенно небывалое, нечто такое, чего мир не знал, что никогда не существовало и что вовеки не повторится!»

Или: «О мой горячо любимый друг, я постоянно, день и ночь, думаю о Вас, и с такой бесконечной любовью! Каждый раз, когда Вы обо мне думаете, Вы спокойно можете сказать: “Мой образ стоит теперь перед его глазами, и он поклоняется мне”. Это буквально так».

Мы не можем сомневаться в искренности этих писем, точнее, у нас нет права на сомнения. Но ведь известно, что в то время письма нередко вскрывались соответствующими службами. Особенно письма из России в Европу. Может, и не все, но вскрывались. Могли прочитываться кем-то и письма Тургенева... А он вел себя как горячо влюбленный и в письмах и в жизни. Лишь в 1845 году вернулся в Россию, но уже в январе 1847 года снова помчался за границу, едва узнав, что у Виардо начинаются гастроли в Берлине. Затем он сопровождал ее во время гастролей в Лондоне и Париже.

Сохранились некоторые его письма того периода:

«Ах, мои чувства к вам слишком велики и могучи. Я не могу жить вдали от вас, – я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, – день, когда мне не светили ваши глаза, – день потерянный».

А вот другое письмо: «Здравствуй, моя любимая, самая лучшая, самая дорогая моя женщина... Родной мой ангел... Единственная и самая любимая...»

Письма весьма откровенны. Отчего же так спокойно реагировал на них супруг Полины Виардо? Не могла же она скрыть эту страстную переписку. Во всяком случае, всегда тайная переписка может стать явной. А писем было слишком много...

Были, конечно, и просто о творчестве: «Господи! Как я был счастлив, когда читал Вам отрывки из своего романа (Тургенев читал своей возлюбленной роман “Дым”). Я буду теперь много писать, исключительно для того, чтобы доставить себе это счастье. Впечатление, про-

изводимое на Вас моим чтением, находило в моей душе стократный отклик, подобный горному эху, и это была не исключительно авторская радость».

Кстати, относительно того, что Тургенев сделал ее первой читательницей, слушательницей и ценительницей своих произведений,

Об этом Полина Виардо писала так: «Ни одна строка Тургенева не попадала в печать прежде, чем он не познакомил меня с нею. Вы, русские, не знаете, насколько вы обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать».

Ну а на пересуды об их отношениях она ответила очень твердо и вразумительно: «Сорок лет прожила я с избранником моего сердца, вреда разве что себе, но никому другому. Какое право имеют клеймить нас? Чувства и действия наши были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы. А положение наше было признано законным всеми, кто нас любил».

Ну а теперь вспомним крылатую фразу: «Тот, кто счастлив в любви, становится семьянином, кто несчастлив – писателем или философом».

Так счастлив или несчастлив в любви был Иван Сергеевич Тургенев?

С творчеством Тургенева мы знакомимся еще на школьной скамье. Но при изучении творчества писателя в школе внимание учеников на том, откуда взяты те или иные коллизии, не заостряется. Особенно это касается книг о любви. Произведения в этих случаях редко сопоставляются с этапами биографии писателя. В программе определено, что надо изучать и как изучать, – в советское время необходимо было выискивать те или иные эпизоды или сцены, которые можно использовать для бичевания порядков дореволюционной России.

А между тем зачастую писатели вовсе не ставили перед собой задачи бичевать государственное устройство. В своих произведениях они показывали героев эпохи...

Вспомним лермонтовского «Героя нашего времени». Писатель, как иногда говорят, инженер человеческих душ. Вот и исследовали наши классики именно души человеческие. Ну а эпоха, эпоха служила только фоном, на котором высвечивались те или иные исследования.

Тургенев почти непрерывно сопровождал певицу во время ее многочисленных гастролей. В Россию приезжал не часто, но во время этих приездов успевал завести новые романы.

И это несмотря на большую любовь к Полине Виардо?!

Всех увлечений, которые пережил Тургенев, видимо, не счесть, поскольку далеко не каждый из них становился основой для очередного романа или повести. Были, конечно, и такие, что вдохновляли на целую плеяду стихотворений, ну и, конечно, на роман, повесть или рассказ, а то и на все произведения, вместе взятые.

Недаром Иван Сергеевич писал: «Всякий раз, когда я задумывал написать новую вещь, меня трясла лихорадка любви».

Уже стало традицией говорить о сорокалетней неиссякаемой любви к Полине Виардо. Но тогда почему же за эти сорок лет Тургенев не только завел немало романов, но и неоднократно делал серьезные попытки построить семью?

Так, в 1854 году Иван Сергеевич стал серьезно подумывать о женитьбе на Ольге, дочери одного из своих кузенов. Тургеневу было 36 лет, девушке – 18. Разница, конечно, немалая, но в то время в России такое не было исключением. Мужчины вообще женились в основном не в ранней молодости, а в возрасте где-то тридцати лет. Иногда и позднее. Так что ничего удивительного не было в том, что Тургенев воспылал нежными чувствами к юной Ольге и даже готов был сделать предложение. И девушка отвечала на его чувства чувствами, еще более сильными и, несомненно, значительно более искренними.

Но почему же он снова не решился на женитьбу? Биографы полагают, что тому виной любовь к Полине Виардо, что Тургенев был не в состоянии поставить любую другую, даже очень привлекательную женщину между собою и возлюбленной певицей.

И все-таки кажется странным, что он, выбирая между бесперспективным обожанием Полины Виардо и чувствами к другой женщине, отвечающей на его чувства, вновь и вновь возвращался в плен своего безответного обожания.

И с чувствами к Ольге было также скоро покончено, и они так же скоро, как и прежние чувства, «были сданы в архив».

И вот тут возникает мысль: а имел ли право Тургенев на любовь к кому-либо, кроме Полины Виардо? Ведь он не принадлежал себе, он был резидентом русской разведки. Ну а публике давалось объяснение, которое ее устраивало и которое скрывало правду о деятельности Тургенева.

«Тургенев скверно поступает с Машенькой...»

У любимой сестры Льва Николаевича Толстого, Марии Николаевны, ставшей прототипом Любочки в его повести «Детство. Отрочество. Юность», личная жизнь не сложилась. Она была вынуждена взять детей и уйти навсегда от мужа, жизнь с которым оказалась невыносимой.

Лев Толстой искренне переживал за нее. Она была действительно очень и очень дорогим для него человеком. Свои письма к ней он начинал самыми ласковыми словами: «Милый, милый, тысячу раз дорогой друг мой Машенька... Не стану извиняться, что не скоро написал тебе, уж это сколько раз было и все-таки не мешает нам любить друг друга и быть уверенным в этом...»

Но она была еще очень молодой женщиной. Ей хотелось любви, она мечтала о счастье.

Тургенев периодически приезжал в Россию и живо интересовался литературными новостями и книжными новинками. И вот в 1854 году он прочитал в журнале «Современник» повесть Толстого «Детство. Отрочество. Юность», которая привела его в восторг. Зная, что неподалеку от Спасского-Лутовинова живут сестра Льва Толстого с мужем, он решил обязательно познакомиться с ними.

Тургенев нанес визит. Вскоре семья Толстых тоже посетила его, и постепенно завязалась дружба.

Мария Николаевна сразу тронула сердце Тургенева. Иван Сергеевич признался в своем письме к издателю «Современника» Некрасову: «Сестра автора “Отрочества” премилая женщина, умна, добра и очень привлекательна... Она мне очень нравится. Мила, проста – глаз бы не отвел. На старости лет... я едва не влюбился. Жаль, что отсюда до них около 25 верст...»

Друзьям говорил о ней: «Если взглянешь на нее хоть раз, теряешь рассудок и падаешь на землю, как скошенный стебель».

Да и Мария Николаевна, лишенная в семье любви, постепенно увлеклась Иваном Сергеевичем. Она говорила о Тургеневе: «Он удивительно интересен своим живым умом и поразительным художественным вкусом. Такие люди редки».

Брат Николай Николаевич был встревожен увлечением Марии. Он писал Льву Николаевичу: «Маша очарована Тургеневым. Она не знает света и вполне может ошибиться».

Между тем любящие сердца забились в унисон, хотя их обладатели тщательно скрывали свои чувства, причем скрывали их не только от посторонних, но и друг от друга. Но однажды Тургенев не выдержал... Это случилось, когда он читал вслух «Евгения Онегина».

Как-то так вышло, что он, почти не владея собой, взял ее руку и поцеловал. Мария Николаевна испуганно отдернула ее и проговорила: «Прошу более этого не делать».

Эту сцену Тургенев оживил в своем «Фаусте». Вот она:

«Я знаю, как опасна какая бы то ни было связь между мужчиной и молодой женщиной, как незаметно одно чувство сменяется другим. Я бы сумел оторваться, если б я не сознавал,

что мы оба совершенно покойны. Правда, однажды между нами произошло что-то странное. Не знаю, как и вследствие чего – помнится, мы читали «Онегина» – я у ней поцеловал руку. Она слегка отодвинулась, устремила на меня взгляд (я, кроме ее, ни у кого не видал такого взгляда: в нем и задумчивость, и внимание, и какая-то строгость)... вдруг покраснела, встала и ушла. В тот день мне уж не удалось быть с ней наедине. Она избегала меня и битых четыре часа играла с мужем, няней и гувернанткой в свои козыря! На другое утро она предложила мне идти в сад. Мы прошли его весь до самого озера. Она вдруг, не оборачиваясь ко мне, тихо прошептала: «Пожалуйста, вперед не делайте этого!» – и тотчас начала мне что-то рассказывать... Я был очень пристыжен».

Повесть «Фауст» написана Тургеневым за несколько дней на одном вздохе. Прототипом главной героини Верочки Ельцовой стала Мария Николаевна. Во многих произведениях Тургенева заметна одна закономерность. Он дает героиням имя, отличное от прототипов, но отчество неизменно оставляет прежнее. Вот мы видим: Мария Николаевна – Вера Николаевна в «Фаусте», Татьяна Александровна – Мария Александровна в «Переписке»...

В «Фаусте» писатель дает портрет Верочки Ельцовой, списанный с Марии Николаевны: «Когда она вышла мне навстречу, я чуть не ахнул: семнадцатилетняя девочка, да и полно! Только глаза не как у девочки; впрочем, у ней и в молодости глаза были не детские, слишком светлы. Но то же спокойствие, та же ясность, голос тот же, ни одной морщинки на лбу, точно она все эти годы пролежала где-нибудь в снегу. А ей теперь двадцать восемь лет, и трое детей у ней было...»

И возраст соответствует, и детей у Марии Николаевны было трое, как и у Верочки Ельцовой.

А вот уже оценка Тургенева: «Вера Николаевна не походила на обыкновенных русских барышень: на ней лежал какой-то особый отпечаток».

Ну и еще одна подробность – Верочка, как и Мария Николаевна, не любила стихов.

И именно Тургенев привил эту любовь Марии Николаевне, во всяком случае, к «Фаусту» Гете, а его герой то же самое сделал с Верочкой Ельцовой.

Тургенев пережил почти юношескую влюбленность. Это видно из его писем. Боткину он признался: «Прощаясь со мною, она подала мне руку с таким внутренним болезненным движением, словно птичка, которая ищет где-нибудь укрыться от застигнувшей ее бури. У меня готовы были навернуться слезы на глаза... Все в ней проникнуто благородством и искренностью сердца».

В 1855 году Тургенев познакомился с братом своей возлюбленной, Львом Николаевичем Толстым, причем Толстой сообщил сестре об этом и добавил, что «полюбил его (Тургенева. – *Н.Ш.*) еще и за то, что он тебя так любит и ценит».

Может показаться странным, но любовь Тургенева разгоралась, пока Мария Николаевна была недоступна для него – пока была замужем. И вдруг пришло сообщение, что она ушла от мужа и переехала к брату Сергею Николаевичу в Пирогово – там было его имение, в котором ей принадлежала часть, именуемая Малым Пироговом.

Совсем еще молодая женщина – а было ей в ту пору двадцать семь лет – смело оставила мужа, хотя было у нее трое детей.

Тургенев поспешил послать ей уверения в своих чувствах, правда, говорил о дружбе, а не о любви: «Вы недаром полагаетесь на мою дружбу: действительно – я останусь Вашим другом, пока буду жив...»

Видимо, этими словами о дружбе он несколько озадачил Марию Николаевну, которая полагала, что он питает к ней гораздо более сильные чувства. Написал Тургенев и Льву Николаевичу Толстому: «Скажите ей, что я часто думаю о ней и что, если бы желания могли осуществляться, она была бы совершенно счастлива».

Но снова позвала за граница, что конечно же огорчило Марию Николаевну, ведь всем было известно о непонятной, странной, почти виртуально, но все-таки любви к Полине Виардо.

Даже Толстой в 1858 году записал в своем дневнике: «Машеньку известие об отсутствии Тургенева ударило. Вот те и штучки».

А Тургенев уже все для себя решил – снова он не отважился на то, чтоб сделать предложение, и на вопрос Анненкова о развитии отношений с сестрой Льва Толстого, ответил с известной долей цинизма, мол, Мария Николаевна еще не знает: «дела с ней покончены и сданы в архив».

В следующий свой приезд в России Тургенев побывал в Пирогове, повидал и Марию Николаевну и ее братьев. Он подробно описал этот визит Полине Виардо: «Я провел три очень приятных дня у своих друзей: двух братьев и сестры, прекрасной и очень несчастной женщины. Она вынуждена была разойтись со своим мужем, своего рода деревенским Генрихом 8-м, преотвратительным».

Лев Николаевич Толстой дал этому поступку в своем дневнике такую резкую оценку: «Тургенев скверно поступает с Машенькой. Дрянь».

Иван Сергеевич просто разлюбил Марию Николаевну, о чем признался в письме к Боткину: «Я видел в Ясной Поляне графиню Толстую; очень она переменялась на мои глаза – да сверх того мне нечего ей сказать».

Произошел разрыв и со Львом Толстым. Иногда называют иные причины – мол, однажды Тургенев читал Льву Николаевичу свою повесть, а тот заснул, или они поссорились из-за различного подхода к воспитанию детей, когда речь зашла о воспитании во Франции дочери Тургенева. Возможно, и был какой-то повод, но причина кроется в том, что, на взгляд Толстого, Тургенев очень нехорошо поступил в его любимой сестрой, вселив надежду на любовь, на будущее, но затем все резко разорвав.

Считается, что Тургенев в «Фаусте» в какой-то степени предсказал судьбу Марии Николаевны через судьбу своей героини Веры Николаевны.

Мы не знаем, каким было последнее свидание Тургенева с Марией Николаевной. Но в «Фаусте» говорится об обещании встречи – встречи, которая не состоялась: «Завтра, завтра вечером, – проговорила она, – не сегодня, прошу вас... уезжайте сегодня... завтра вечером приходите к калитке сада, возле озера. Я там буду, я приду... я клянусь тебе, что приду, – прибавила она с увлечением, и глаза ее блеснули, – кто бы ни останавливал меня, клянусь! Я все скажу тебе, толькопусти меня сегодня».

Она переходит на «ты», она обещает встречу, и какую встречу! Можно только догадываться.

Тургеневский герой, от имени которого ведется повествование, проводит страшную для него ночь, он вспоминает, вспоминает все, что связывало его с Верой Ельцовой, вспоминает ее слова, ее откровения: «Вспоминал я также слова Ельцовой, переданные мне Верой. Она ей сказала однажды: “Ты как лед: пока не растаешь, крепка, как камень, а растаешь, и следа от тебя не останется”».

И вот развязка... Строки из письма: «Я не могу продолжать так, как начал, любезный друг: это стоит мне слишком больших усилий и слишком растравляет мои раны. Болезнь, говоря словами доктора, определилась, и Вера умерла от этой болезни. Она двух недель не прожила после рокового дня нашего мгновенного свидания. Я ее видел еще раз перед ее кончиной. У меня нет воспоминания более жестокого. Я уже знал от доктора, что надежды нет. Поздно вечером, когда уже все улеглись в доме, я подкрался к дверям ее спальни и заглянул в нее. Вера лежала на постели с закрытыми глазами, худая, маленькая, с лихорадочным румянцем на щеках. Как окаменелый, смотрел я на нее. Вдруг она раскрыла глаза, устремила их на меня, взгляделась, протянув исхудалую руку».

«Фауст» написан в период горячей влюбленности, но почему же такой конец? Словно какой-то рок лежал на всех попытках Тургенева встретить настоящую любовь и устроить свою судьбу. Он говорил о любви к Марии Николаевне, восхищался ею, но уже были написаны роковые строки повести. И ведь свершилось... Нет, Мария Николаевна не умерла, но ушла из мирской жизни.

Вспоминала ли она Тургенева? Да, конечно же вспоминала его и свою любовь к нему. И спустя годы пришла к выводу: «Если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле Бога...»

Обрести счастья в любви Марии Николаевне так и не довелось. Потрясенная ничем не оправданным разрывом с Тургеневым, она уехала за границу, где завела роман со шведским подданным Виктором де Кленом». От него родила дочь, о чем сообщила братьям. С трепетом ждала писем, особенно от любимого брата Льва Николаевича. И получила ответ: «Ты говоришь, пусть братья тебя судят, как хотят. Кроме любви, кроме жалости, нет и ничего не будет к тебе в моем сердце. Упрекнуть тебя не поднимется рука ни у одного честного человека. Теперь что делать? Первое – выйти за него замуж, второе – ребенка ни в коем случае не брать себе, а отдать мне. Третье – важнее всего – скрыть от детей и от света».

Но и здесь встретились непреодолимые препятствия. Родственники виконта помешали браку, хотя дочь взяли на воспитание. Ее ожидало одиночество, особенно после смерти сына. И она решила удалиться из мирской жизни. В Оптиной пустыни встретила старца Амвросием и в 1891 году отправилась в Шамординский монастырь, который находился неподалеку от пустыни. Она ушла в мир иной весной 1912 года.

«Что это? Слезы... или кровь?»

Тургенев писал в одном из своих писем: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, – и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело».

И вот, когда ему было в районе шестидесяти лет, он снова испытал всепобеждающее чувство любви...

А.Ф. Кони отметил, что Тургенев «находился во власти чувства, не похожего на одностороннее восхищение, за которое платят одним дружеским расположением, – чувства, гораздо более сильного и острого».

И далее: «Таковы были его отношения к баронессе Ю.П. Вревской в 1874—1877 годах, начавшиеся дружбой и признанием с его стороны, что ближайшее знакомство с нею оставило глубокий след в его душе и дало ему почувствовать, что в его жизни стало одним существом больше, к которому он искренно привязался. Но вскоре это «несколько странное, но хорошее чувство» переходит у него в «дружескую любовь», а в последнюю настойчиво вторгается страсть, так что ему становится жутко при мысли о возможности быть прижатым любимым другом к сердцу не по-братски...»

Говорят, что в жизни мужчин вот такие смены, о которых писал Тургенев, происходят каждые 29 лет.

«Баронесса Юлия Петровна Вревская (урожденная Варпаховская, 1841 — 1878) семнадцатилетней девушкой вышла замуж за генерала И.А. Вревского, вскоре убитого на Кавказе.

Тургенев был знаком с этой женщиной с 1873 года и переписывался с ней вплоть до ее смерти. Вревская приезжала к нему в имение Спасское-Лутовиново и гостила там пять дней. В день ее отъезда Тургенев написал: «...в моей жизни с нынешнего дня одним суще-

ством больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться».

Когда началась Русско-турецкая война 1877—1878 годов, Ю.П. Вревская добровольно отправилась сестрой милосердия в действующую армию. Но сначала она приехала в Яссы, где с июня 1877 года дислоцировался только что сформированный отряд Свято-Троицкой общины во главе с весьма пожилой настоятельницей Е.А. Кублицкой. В отряде было около двадцати человек – врачи, медицинские сестры. Баронесса Вревская определилась медсестрой в этот отряд.

Узнав об отъезде Вревской в действующую армию, Тургенев написал:

«Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желая от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным...»

Но, увы, Ю.П. Вревская заразилась пятнистым тифом и умерла 24 января 1878 года в госпитале, находившемся в городе Бялы (Болгария). Ее смерть глубоко потрясла И.С. Тургенева. В письме к другу он писал: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы... Это было прекрасное, неописанно доброе существо... Ее жизнь – одна из самых печальных, какие я знаю».

Именно в память о ней в сентябре того же года Тургенев создал одно из лучших своих стихотворений в прозе.

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу – хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь 1878 года».

Здесь нужно добавить кое-что о тех каплях воды, которые солдаты подносили к запекшимся губам Вревской. Эту воду, как оказывается, они покупали у спасаемых от османской смерти болгар, причем покупали не за малые деньги.

Стихотворениями в прозе «Деревня», «Дрозд II», «Памяти Ю.П. Вревской» Тургенев откликнулся на события Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, войны очень необычной, которую впоследствии назвали «военной прогулкой». Ведь направляя своего брата в Дунайскую армию главнокомандующим, Александр Второй определил главную цель – Константинополь! Но заговор западных стран, во главе с Англией, помешал осуществить вековое стремление о водружении Православного Креста на Святой Софии. Сколько людей загублено – и все напрасно. Вот и звучат проникающие глубоко в душу строки стихотворения в прозе «Деревня»:

«О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать! И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?»

Какой глубокий смысл! Это уже, безусловно, прозаические начала в стихотворениях в прозе, но начала, усиленные поэтическим духом произведения. На таком удивительном контрасте Тургенев показывает мир деревни, далекий от войн, сражений и походов, смысл которых очень мало понятен простым деревенским жителям. Им понятны лишь войны в защиту своего Отечества. Вспоминается стихотворение «Как хороши, как свежи были розы», с их пронзительным ощущением незащитности «перед лицом Неведомого, перед бесконечностью неба».

Необыкновенно сильно звучат строки стихотворения в прозе «Дрозд II»:

«Меня терзают другие, бесчисленные, зияющие раны.

Тысячи моих братьев, собратий гибнут теперь там, вдали, под неприступными стенами крепостей; тысячи братьев, брошенных в разверстую пасть смерти неумелыми вождями.

Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они о себе не жалеют; не жалеют о них и те неумелые вожди.

Ни правых тут нет, ни виноватых: молотилка треплет снопы колосьев, пустых ли, с зернами ли – покажет время».

Время показало... А Тургенев гениально предвидел и написал: «Горячие, тяжелые капли пробираются, скользят по моим щекам... скользят мне на губы... Что это? Слезы... или кровь?»

И апофеозом войны звучит стихотворение в прозе «Памяти Ю.П. Вревской». Да – это проза, тяжелая, всесокрушающая высоким стилем проза, в которой звучат душераздирающие поэтические нотки. Поэзия тоже бывает тяжелой и сильной. Вот как, например, «Вставай, страна огромная!».

Христианским милосердиям и несовершенствам общественных отношений посвящено стихотворение в прозе «Мне жаль...».

«Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц... всего живущего», – писал Тургенев и за перечислением всех, кого жаль, в которое входит весь свет, он говорит, что завидует камням. Почему? Должно быть, потому, что камни не могут чувствовать.

В этих произведениях проявляются в большей степени прозаические начала, даже, можно сказать, философские. Собственно, в стихотворениях в прозе очень сильны философские начала. Порою, эти маленькие произведения являются как бы подведением итогов жизни и разговором писателя с самим собою: «Когда меня не будет» – обращение к любимой; «Песочные часы» – размышления над скоротечностью жизни; «Я встал ночью» – смирение с неизбежностью ухода в мир иной; «Когда я один» – размышление над своим вторым «я», над чем-то тем неведомым, что ждет впереди.

«Песнь торжествующей любви»

В своем очерке «Савина и Тургенев» Анатолий Федорович Кони рассказал: «17 января 1879 года на сцене Александрийского театра, в бенефис Марии Гавриловны Савиной, была поставлена комедия Тургенева “Месяц в деревне”, написанная им в 1850 году. Простая, по-видимому, история, представленная в ней, полна психологического интереса. Обыденная и весьма не редкая тема развита автором с тончайшей наблюдательностью над глубокими переживаниями женской души.

В сцене борьбы долга с чувством, – прочно сложившегося уклада жизни с неожиданно-негаданно налетевшей страстью, – тяжелого решения с внезапной нерешительностью, – чувства долголетней дружбы с безотчетным и безоглядным стремлением к разрыву с недавним прошлым – Тургенев показал себя великим мастером... Душевные переживания хозяйки дома – Натальи Петровны, – влюбившейся в течение месяца в молодого студента, учителя ее сына, и теряющей, – под влиянием бросившегося ей в голову вина страсти, не испытанной дотоле, – не только самообладания, но даже и жалости к юной и бедной сироте – Верочке – создали, в глазах Тургенева, ей первенствующее место среди сценических исполнительниц его труда.

Личность Верочки, которая под влиянием постепенно, подобно цветку, распутившейся в сердце ее любви к милому, жизнерадостному студенту – Беляеву – в течение месяца из ребенка обращается в душевно взрослую женщину, вдруг понявшую лукавство и хитро-сплетения своей неожиданной соперницы, – оставлена была Тургеневым, при мысли о ее сценическом воплощении, на втором плане. Но Савина, талант которой к концу семидесятых годов уже успел вполне расправить свои широкие крылья, глубоко вдумалась в произведение Тургенева и нашла, что роль Верочки не только равносильна роли Натальи Петровны, но, пожалуй, и превосходит ее по задаче, даваемой артисту-художнику. Чувство Верочки к Беляеву выше и чище вспышки страсти у Натальи Петровны, – и когда автор, оканчивая комедию и избегая избитого морализирования, показывает замужнюю женщину остановившуюся, не по своей воле, на краю обрыва, а душевно возмужавшую девушку уносящую свое опустошенное сердце в болотную тину “брачного сопряжения”, – все симпатии и зрителя, и воплотителя ее образа на сцене – на стороне Верочки. Поэтому Савина и взяла роль Верочки. Узнав об этом, Тургенев был удивлен и спросил артистку: “Что же там играть?” А затем, когда впервые увидел на сцене, что создала из этого, лишь намеченного, образа Савина, он воскликнул, пристально вглядываясь в лицо артистки в ее театральной уборной: “Верочка... Неужели эту Верочку я написал?! Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Все дело в Наталье Петровне...” И он сразу признал большой талант в артистке, умевшей разработать и углубить этот образ, перенеся центр тяжести пьесы с томимой однообразием и эпикурейской безмятежностью зрелой женщины на почти еще девочку, в белом передничке, с заплетенной косой и большим бумажным змеем в руках...»

Тургенев был поражен успехом пьесы. С актрисой Савиной довелось встретиться снова на литературном вечере в пользу Литературного фонда.

А.Ф. Кони отметил: «Кто видел Савину в “Провинциалке” – не мог не поразиться ее интонациями, игрою ее лица, то томным, то торжествующим блеском ее глаз именно в разговоре с графом, – тот может себе представить Тургенева при виде такого исполнения. Недавно Достоевский сказал ей в этот вечер: “У вас каждое слово отточено, как из слоновой кости...”»

С этого времени начинается ближайшее личное знакомство Тургенева с Савиной. Она, очевидно, произвела на него сильное впечатление, не только как изящная в своей отзывчивости женщина, но и как чуткая артистка, знающая цену и свойства своего дарования

и умеющая его применять со всей его силой к горячо ею любимому искусству. Письма к ней и свидания с нею потянулись длинной чередой. Первые очень скоро вышли из рамок условной вежливости, приняли задушевный тон и вскоре стали отражать в себе нарастающую привязанность Тургенева, которую с полным основанием можно назвать любовью. В глазах его Савина, вероятно, имела не меньше блестящих достоинств, чем Виардо. И она возбуждала восторг публики, и ей иногда хотелось сказать во вдохновенные минуты ее творчества: «Стой! Какую я теперь вижу, останься навсегда такую в моей памяти...» – и с нею можно было делиться своими мечтами и планами, замыслами и откровенным мнением о своих современниках. Но она была, сверх того, своя, родная, русская, которой, конечно, были более понятны и близки чувства и мысли Тургенева по отношению к России, к ее народу и его языку. И, наконец, – чего уже не было там, – она блистала и очаровывала своей молодостью. Во время первых представлений «Месяца в деревне» ей было всего 25 лет, а знакомство с нею Тургенева совпало с тем временем в его жизни, когда... он, приезжая на родину, повсюду был встречаем выражениями общей восторженной любви. Это его молодило, влияло в него новую бодрость. Отложивший вскоре после «Призраков» и «Довольно» перо с непоколебимым решением никогда больше не брать его в руки, он почувствовал, что литературная жилка в нем вновь зашевелилась, и спрашивал себя: «Неужели из старого, засохшего дерева пойдут новые листья и даже ветки?..»

Иван Сергеевич писал о новом своем состоянии: «На мое старое сердце недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души – и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами бывалого огня».

А какие были письма к Савиной: «Милая Мария Гавриловна! Вот уже третий день, как стоит погода божественная, я с утра до вечера гуляю по парку или сижу на террасе, стараюсь думать о различных предметах – и вдруг замечаю, что мои губы шепчут: “Какую ночь мы бы провели... А что было бы потом? А Господь ведает!”... И мне глубоко жаль, что эта прелестная ночь так и потеряна навсегда... Жаль для меня – и осмелюсь прибавить – и для Вас, потому что уверен, что и Вы бы не забыли того счастья, которое дали бы мне».

При знакомстве с Савиной история в какой-то мере повторилась. Вспомним, как Тургенев, увидев на сцене Полину Виардо, влюбился в нее без памяти с первого взгляда.

Он не мог забыть того момента, когда после спектакля зашел в гримерную к Савиной, чтобы выразить свое восхищение, а она в восторге и благодарности обвила его шею руками и поцеловала в щеку.

До нас не дошли все подробности взаимоотношений писателя и актрисы. Но известно, что когда Савина в 1880 году сообщила, что собирается на гастроли в Одессу, Тургенев забросал ее письмами, в которых звучала просьба навестить его в Спасском-Лутовинове, ведь это было по пути. Он писал: «О Вас я думаю часто, чаще, чем бы следовало. Вы глубоко вошли в мою душу... Я люблю Вас...»

Савина отвечала, что заехать не может. И тогда влюбленный Тургенев стал просить ее выбрать поезд, проходящий через Мценск, с таким расчетом, чтобы, сев в него на станции, проехать хотя бы небольшую часть пути. Тургенев говорил о своей любви, но Савина не могла ответить тем же – в ее сердце, в ее душе было глубокое уважение к писателю, но не более того, о чем мечтал он.

Они расстались на одной из станций. Тургенев вернулся в Спасское-Лутовиново, началась переписка, которая продолжалась несколько лет.

И все-таки Мария Савина побывала у него в гостях летом 1881 года. Что за отношения были между ними в эти дни, сказать трудно. Когда Тургенев и Савина были в гостях у Полонских, актриса вновь не сдержала своих чувств, как когда-то в гримерной. Она буквально кинулась к Тургеневу, в необыкновенном порыве и никого не стесняясь, поцеловала.

А.Ф. Кони рассказал в очерке: «Пребывание Савиной в Спасском, одновременно с семейством поэта Полонского, было праздником для Тургенева, да и для всех. Читая своим гостям, еще в рукописи, “Песнь торжествующей любви”, совершая с ними прогулку в лес, чтобы слушать “ночные голоса”, он изучил ближе, в повседневном общении, свою гостью, в честь которой комната, ею занимаемая, была названа “Савинской”».

В ту пору чтения вслух вообще были приняты в дворянских усадьбах, ну а чтения писателями и поэтами своих произведений составляли особый колорит. Представьте себе веранду, стол с самоваром, легкий шум парка, пение птиц. Представьте слушателей, расположившихся вокруг стола или в креслах качалках. И того, кто приковывает к себе все внимание чтением произведения. И звучит спокойный, негромкий голос и растекаются по веранде строки произведения, которого еще никто не видел, никто не читал, произведения, о котором еще никто не знает – никто, кроме вот этих избранных счастливых – его близких друзей.

Иван Сергеевич умел читать превосходно, мастерски, удивительно красиво... Так он читал и «Песнь торжествующей любви». Не родилось ли название благодаря сердечной вспышке, подаренной ему знакомством с несравненной Савиной?

А слушатели внимательны, задумчивы... А история загадочна и удивительна...

«Около половины XVI столетия проживало в Ферраре (она процветала тогда под скипетром своих великолепных герцогов, покровителей искусств и поэзии) – проживало два молодых человека, по имени: Фабий и Муций. Ровесники годами, близкие родственники, они почти никогда не разлучались; сердечная дружба связала их с раннего детства... одинаковость судьбы скрепила эту связь. Оба принадлежали к старинным фамилиям; оба были богаты, независимы и бессемейны; вкусы, наклонности были схожие у обоих. Муций занимался музыкой, Фабий – живописью. Вся Феррара гордилась ими, как лучшим украшением двора, общества и города. Наружностью они, однако, не походили друг на друга, хотя оба отличались стройной юношеской красотой: Фабий был выше ростом, бел лицом и волосом рус – а глаза имел голубые; Муций, напротив, имел лицо смуглое, волосы черные, и в темно-карих его глазах не было того веселого блеска, на губах той приветливой улыбки, как у Фабия; его густые брови надвигались на узкие веки – тогда как золотистые брови Фабия уходили тонкими полукругами на чистый и ровный лоб. Муций и в разговоре был менее жив; со всем тем оба друга одинаково нравились дамам – ибо недаром были образцами рыцарской угодливости и щедрости.

В одно и то же время с ними проживала в Ферраре девица по имени Валерия. Ее считали одной из первых красавиц города, хотя видеть ее можно было очень редко, так как она вела жизнь уединенную и выходила из дому только в церковь – да в большие праздники на гулянье. Она жила с своей матерью, благородной, но небогатой вдовою, у которой не было других детей. Всякому, кому только ни встречалась Валерия, – она внушала чувство невольного удивления и столь же невольного, нежного уважения: так скромна была ее осанка, так мало, казалось, сознавала она сама всю силу своих прелестей. Иные, правда, находили ее несколько бледной; взгляд ее глаз, почти всегда опущенных, выражал некоторую застенчивость и даже боязливость; ее губы улыбались редко – и то слегка: голос ее едва ли кто слышал. Но ходила молва, что он был у нее прекрасен и что, запершись у себя в комнате, ранним утром, когда все в городе еще дремало, она любила напевать старинные песни, под звуки лютни, на которой сама играла. Несмотря на бледность лица, Валерия цвела здоровьем; и даже старые люди, глядя на нее, не могли не подумать: “О, как счастлив будет тот юноша, для кого распухнет, наконец, этот еще свернутый в лепестках своих, еще нетронутый и девственный цветок”».

Может быть, это память о тех далеких цветках юности воскресает в словах Тургеневских, а может, «Песнь...» навеяна именно прекрасной Савиной, которая сейчас рядом и ради которой сердце писателя поет эту прекрасную песнь торжествующей в душе его любви?

Савина уехала из Спасского 18 июля 1881 года.

Тургенев писал ей вслед: «Я еще короче узнал Вас в эти дни со всеми Вашими хорошими и слабыми сторонами – и именно потому еще крепче привязался; Вы имеете во мне друга, которому можете довериться... Вы очень привлекательны и очень умны, что не всегда совпадает».

Но вместо ответа, которого ждал с нетерпением, 10 августа получил письмо из Перми, от 29 июля, в котором Савина писала так, что он понял – она выходит замуж за Всеволожского.

Он нашел в себе силы ответить: «Поглядел бы я на Вас в ту минуту, когда провозглашали многолетие невесте! Во-первых, Ваше лицо всегда приятно видеть, а во-вторых, оно должно было быть особенно интересным – именно тогда. Когда мы увидимся (если увидимся), Вы мне все это расскажете с той тонкой и художественной правдивостью, которая Вам свойственна – и с той милой доверчивостью, которую я заслуживаю – не как учитель (с маленьким или с большим У), а как лучший Ваш друг».

А через несколько дней послал следующее письмо:

«Что касается до меня, то я хоть телесно еще в Спасском, но мысленно уже там – и чувствую уже французскую шкурку, нарастающую под отстающей русской».

Однако бракосочетание затягивалось. Узнав об этом, Тургенев стал звать Савину за границу, предлагал поехать в Италию, в Венецию...

В письмах он не скрывал своих чувств: «Милая Мария Гавриловна, я Вас очень люблю – гораздо больше, чем следовало бы, но я в этом не виноват».

Эта любовь озарила последние годы жизни писателя. Он надеялся, хотя надеяться было не на что. Почему Савина не хотела связать с ним свою судьбу? Быть может, и ее и многих других возлюбленных писателя пугала тень Полины Виардо, нависающая над ним и теми, с кем он пытался связать свою судьбу? А может, помехой в их отношениях стала любовь к другому человеку?

Савина была необыкновенной женщиной. А.Ф. Кони, тайно влюбленный в нее и долго не признававшийся в этом даже самым близким людям, писал:

«Савина не есть только имя личное; это имя собирательное, представляющее собой соединение лучших традиций, приемов и преданий с талантом и умом. Вы сами по себе школа. И должны как солдат стоять на бреши, пробитой в искусстве нелепыми представителями театральной дирекции».

Последняя встреча Тургенева и Савиной произошла в Париже, когда актриса приехала туда лечиться. Тургенев обращался к лучшим докторам, добился того, что ее принял знаменитый в то время невропатолог Жан Шарко, а когда она отправилась лечиться во Флоренцию, не смог сопровождать в этой поездке. Он сам был тяжело болен, и дни его сочтены.

Он встретил свой смертный час в доме Полины Виардо. Последними словами были: «Ближе, ближе ко мне, и пусть я всех вас чувствую около себя... Настала минута прощаться... Простите!..»

Но что же Савина? Она сохранила в своем сердце какие-то совершенно особенные чувства. Была ли это любовь? Она вполне могла осознать то, что любила Тургенева, когда потеряла его навсегда.

В 1908 году в Санкт-Петербурге в одном из залов Академии Наук был открыт небольшой музей Тургенева.

Одной из первых посетительниц музея стала Мария Савина. Она принесла букет роз и долго ходила по залу, внимательно осматривая экспонаты. И думала, думала о чем-то своем, личном. Она пришла и на другой день, она приходила снова и снова, когда было на то время. Она словно наверстывала упущенные встречи с дорогим ее сердцу человеком...

А.Ф. Кони писал: «Прошло четверть века. В большой зале Академии Наук создалась трудами любящих светлое прошлое нашей словесности Тургеневская выставка. На ней было собрано все, касающееся жизни, творчества и личных отношений незабвенного для современников писателя, – все, что только можно было собрать, начиная с листка записной книжечки его матери о рождении 28 октября 1818 г., в 12 часов дня, сына Ивана, 12-ти вершков ростом, и кончая знаменитым диваном “самосоном”, из Спасского, и охотничьим ружьем...

Перед большим и лучшим портретом Тургенева постоянно обновлялся роскошный букет свежих роз, как символ неувядающих воспоминаний. Эти розы привозила ежедневно Мария Гавриловна Савина...»

Современники отмечали, что Савину нельзя было назвать красавицей, но необыкновенный талант делал ее невероятно привлекательной. Один из театральных критиков тех лет писал: «У Савиной был далеко не безупречной красоты голос. Лицо Савиной далеко не было лицом красавицы. Но между голосом, между манерой говорить, лицом, жестами была какая-то совсем особая безупречная гармония».

Вспомним слова о том, что неудачи в любви делают человека писателем и философом. Любовные драмы Тургенева, видимо, не случайны. Болезненные воспоминания оставила его первая любовь, когда он узнал, что его возлюбленная является любовницей его отца. А что могла дать связь с крепостной, на которую подтолкнула мать, столь неординарным способом решившая заняться воспитанием сына.

Известно, что юноша, испытавший первые радости в любви с развратной или, по крайней мере, выдавшей виды женщины, получает глубокую травму на всю жизнь. Быть может, крепостная, выполнившая поручение своей барыни и соблаздившая Тургенева, и не была развратной, но она, несомненно, прошла уже какие-то азы интимных отношений, иначе бы не посылали ее к Тургеневу в роли воспитательницы. И вот это первое знакомство с женщиной, знакомство без любви, знакомство чисто механическое тоже не могло не отложить отпечатка на судьбу Тургенева, на его грядущие любовные увлечения, превращавшиеся в драмы.

Счастлив ли он был в своих любовных увлечениях? Доподлинно известно это было только ему самому. Он мог говорить, что счастлив в своей безответной любви к Полине Виардо, но мы не знаем, так ли это. В любом случае, его неудачи в любви подарили нам великолепную прозу и поэзию в прозе поистине величайшего русского писателя.

Тургенев говорил: «...В том и состоит особенно преимущество великих поэтических произведений, которым гений их творцов вдохнул неумирающую жизнь, что воззрения на них, как и на жизнь вообще, могут быть бесконечно разнообразны, даже противоречащи – и в то же время одинаково справедливы».

Французские писатели братья Эдмон де Гонкур и Жюль де Гонкур, современники Тургенева, лично звавшие его, посвятили в своем «Дневнике» немало страниц Ивану Сергеевичу: «Он говорит, что когда ему грустно, когда у него дурное настроение, двадцать стихов Пушкина спасают его от меланхолии, вливают в него бодрость, будоражат. Они приводят его в состояние восхищенного умиления, которого не может у него вызывать никакое великое и благородное деяние. Только литература способна породить такое просветление духа...»

Из своей сложной судьбы Тургенев вынес твердое понимание того главного, что должно быть в жизни каждого человека:

«Нет счастья вне семьи и вне родины, каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю. Что лепиться к краюшку чужого гнезда?»

Он так и не создал семьи. И действительно, лепился к краюшку чужого гнезда. Но он глубоко пустил корни в родную русскую землю. Об этом говорят его произведения и поэтические и прозаические, это выражено в его ярких словах, посвященных родному русскому языку: «Берегите чистоту русского языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Ну и, конечно, нельзя не привести знаменитое ургеневское стихотворение в прозе, которое так и названо – «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

«Если бы... такие жены, как у Достоевского...»

Коль нет поэзии – нет и романа

В знаменитом Пушкинском «Современнике» в 1836 году за подписью «С.Ф.» была напечатана любопытная статья о поэтике романа и романиста. Начало сразу привлекает внимание: «У нас многие думают, что можно писать хорошие романы без поэтического призвания».

Завязка многообещающа... Действительно, в последнее время появилось особенно много «романистов», которых кроме как приставкой «мнимые» не наградишь. Но посмотрим, как было в веке XIX, богатом на литературные шедевры и особенно на романы?

Таинственный «С.Ф.» писал: «Честный, благородный человек пожил довольно на свете; видел много, много хорошего и много дурного; сердце его потрясилось при виде несправедливости, ум ужасался при виде нелепостей, в голове его набралось много опытов, много замечаний, много анекдотов: как бы хорошо все это передать другим людям!

Но как связать между собою избранные материалы?

Написать нравственный трактат для всякого, хотя и умного в частной жизни человека, дело нелегкое: оно требует познаний, а учиться уже некогда; к тому же такое сочинение подвергается строгой критике, – а между тем очень жаль бросить все, что набралось в продолжение долгой и деятельной жизни.

Что ж делает наш умный человек?

Он берет первое романическое происшествие, пришедшее ему в голову, и все свои мысли и наблюдения вклеивает, как заплатки, в свое произведение; навязывает свои мысли лицам, выведенным на сцену; кстати и некстати рассказывает анекдоты, ему известные. Все это может быть очень любопытно; но мы не думаем, чтобы таким способом можно было написать хороший роман, и в этом сошлемся на самих сочинителей: многие из них откровенно признаются, что пишут роман для того только, чтобы описать такую-то страну, такой-то век; немногие имеют притязание собственно на авторство!

Цель ваша прекрасна, даже до некоторой степени полезна, особенно для вас: ибо заставляет вас отдавать себе отчет в своих мыслях; но таким образом нельзя произвести живого органического произведения, каким должен быть роман: ибо для романа нужно – знаете ли что? – нужно немножко поэзии».

Так, давайте окинем критическим взором когорту наших лучших романистов. Насколько они близки к поэзии? Да и посмотрим, что же требует от них автор?

«С.Ф.» уверен: «Романисту-поэту предмет романа является неожиданно, сомнамбулически; он преследует его, мучит его, как живой человек; когда поэт пишет – он пишет, забывая о самом себе, он живет в лицах, им созданных, самые его собственные мысли, незаметно для него самого, сливаются с лицами, им выводимыми на сцену».

И требует ответа на вопрос: «Так ли вы писали? Вспомните хорошенько: вы сидели за тетрадь в свободное от дел время, вы искали не слов для своего лица, но лиц для ваших слов; для того, чтоб поместить хорошую (отдельно) мысль, вы выдумывали происшествие; вы хоть насильно, но заставляли вашего героя высказывать то, что вам хотелось, хотя бы он по законам искусства и не должен был говорить о том; ваш герой – ваш раб: вы не уважаете его характера, вы уважаете лишь свои собственные опыты, свои наблюдения.

От этого что происходит?

Живое действует живым образом: самые отвлеченные мысли – когда они срослись с созданным лицом, когда составляют его собственность – интересуют всякого читателя и производят сильное действие, и вот вам пример: в Дон Кихоте вы найдете глубокие, даже отвлеченные мысли, которые, если бы отделить от этого лица, были бы сухи и недоступны для большей части читателей; но эти мысли естественно принадлежат лицам, выведенным на сцену: оттого эти мысли, даже апофегмы, не скучны, но понятны всякому, проходят в душу и производят свое впечатление.

Но с романами, о которых мы говорим, происходит совсем другое.

Знаете ли, как большая часть читателей читает ваши романы?

Они перескакивают через самые ваши дорогие мысли, опыты и наблюдения и ищут в вашем романе именно того, что вам казалось второстепенным, т.е. романа.

Не говорите, что ваши лица не суть произведения фантазии, что они должны быть истинны, ибо списаны вами с природы со всею точностью: тем хуже!

Ваши описания верны и прекрасны, как могут быть верны и прекрасны хорошо нарисованные котлеты и другие съестные припасы фламандской школы!»

То есть поэзии нет – нет и романа. Имеется в виду не только поэзия слова, поэзия изображения, но и поэзия образов... А потому и совет дан:

«Пишите просто собственные записки, не гоняясь за фантазией и не называя их романом: тогда ваша книга будет иметь интерес всякой летописи, и произойдет еще та выгода, что вас будут читать люди не с намерением читать роман: ибо такое расположение духа в читателе губительно для всего того, что вы почитаете лучшим в своем сочинении.

Не обманывайтесь даже успехами: читатели ищут в ваших романах намеков на собственные имена, когда не ищут романа; иному и понравится какая-нибудь отдельная мысль, с натуры снятый характер; но вообще ваш роман для него, как и для всякого, вял, длинен, скучен, как могли бы быть вялы слова механической куклы в сравнении со словами живого человека».

Итак, «С.Ф.» высказал твердую убежденность – если автор далек от поэзии, он никогда не сможет написать роман.

Так давайте же посмотрим, насколько близки к поэзии наши выдающиеся романисты XIX века? Берем самые громкие имена... Иван Сергеевич Тургенев. Безусловно, поэт. Сколько стихотворений, сколько великолепных посвящений! А стихотворения в прозе! Шедевры мирового значения.

Иван Алексеевич Бунин! Сам по себе роман «Жизнь Арсеньева» – поэзия. А «Темные аллеи». Но мы все же говорим о стихах. Стихов у Бунина множество, и стихов великолепных.

Берем Льва Толстого. Стихов писал не очень много, но писал, и писал восторженно, потому что сердце горело восторгом от любви. Стихи Тургенева и Бунина приводить не имеет смысла. Они широко известны, а вот стихи Льва Толстого стоит привести...

Давно позабыл я о счастье —
Мечте позабытой души —
Но смолкли ничтожные страсти
И голос проснулся любви...
На небе рассыпаны звезды;
Все тихо и темно, все спит.
Огни все потухли: уж поздно,
Одна моя свечка горит.
Сиж у окна я и в мысли
Картины былого слежу,
Но счастья во всей моей жизни

Минуту одну нахожу:
Минуту любви, упованья,
Минуту без мысли дурной,
Минуту без тени желанья,
Минуту любви неземной...
И тщетно о том сожаленье
Проснется в душе иногда
И скажет: зачем то мгновенье
Не мог ты продлить навсегда?

Стихотворение посвящено Молоствовой Зинаиде, в которую Лев Николаевич был влюблен в юности и которой посвятил довольно много стихотворений.

Стихи писал и Антон Павлович Чехов:

Как дым мечтательной сигары,
Носилась ты в моих мечтах,
Неся с собой любви удары
С улыбкой пламенной в устах.
Но я – увы! – погиб уж для мечтаний,
Тебя любя, я веру потерял...
И средь моих мечтательных скитаний
Я изнывал и угасал!..
Прости меня... Зачем тревожить
Заснувшего в гробу навеки мертвеца?
Иди вперед! Не унывай! Быть может,
Найдешь другого... подлеца!!
Или вот такое стихотворение:
Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда бросаюсь,
Где смерти пасть... О, ужасаюсь!
В могильный склеп с груди горячей,
Убитый, раненый, лежащий,
Стремглав я падаю... Не плачь, прости,
Все птицы будут петь и розы цвести
Над свежерытой могилой,
Куда меня злой рок стремглав опустит.
Тогда поймешь, как я страдал,
Как я любил свой идеал...
Над ней стремглав взойдет моя идея
Во образе цветов, ландышей, роз приятных;
Тогда по повеленью таинств непонятных
Из гроба буду я вставать стремглав ночами
И, отравясь цветов благоуханьем,
Как чудной девицы лобзаньем,
Уйду обратно в гроб стремглав
С прослезненными глазами...

Не удивительно ли?! Мы привыкли считать Антона Павловича Чехова непревзойденным мастером короткого рассказа и драматургом. Но ведь есть у него и другие произведения. Возьмем «Драму на охоте», написанную великолепным, поэтическим языком.

Начал писать стихи, будучи кадетом второго Московского кадетского корпуса, и Александр Иванович Куприн. Правда, позднее он редко обращался к поэзии, но вот это его стихотворение часто публиковалось в периодических изданиях:

«Ты смешон с седыми волосами...»
Что на это я могу сказать?
Что любовь и смерть владеет нами?
Что велений их не избежать?
Нет. Я скрою под учтивой маской
Запоздалую любовь мою —
Развлеку тебя забавной сказкой,
Песенку веселую спою.
Локтем опершись на подоконник,
Смотришь ты в душистый, темный сад.
Да. Я видел: молод твой поклонник.
Строен он, и ловок, и богат.
Все твердят, что вы друг другу пара,
Между вами только восемь лет.
Я тебе для свадебного дара
Присмотрел рубиновый браслет...;
Жизнью новой, светлой и пригожей,
Заживешь в довольстве и в любви
Дочь родится на тебя похожей.
Не забудь же, в кумовья зови.
Твой двойник!
Я чувствую заранее —
Будет ласкова ко мне она.
В широте любовь не знает граней.
Сказано: «Как смерть она сильна».
И никто на свете не узнает,
Что годами, каждый час и миг,
От любви томится и страдает
Вежливый, внимательный старик.
Но когда потоком жгучей лавы
Путь твой перережет гневный Рок,
Я охотно, только для забавы,
Беззаботно лягу поперек.

Можно привести и другие примеры, но пора вернуться к герою очерка, которого поэтом далеко не каждый читатель назовет, — к Федору Михайловичу Достоевскому, создавшему такое количество классических, великолепных во многом философских романов, которое не снилось многим и очень многим писателям.

Но как же так... Романы написаны, и не просто признаны, а считаются подлинными шедеврами мировой литературы. Так соответствует ли это тому, что сказано в Пушкинском «Современнике», в номере, вышедшем при жизни поэта?

Представьте, и Федор Михайлович Достоевский писал стихи. Вот одно из них – «Божий дар»:

Крошку-Ангела в сочельник
Бог на землю посылал:
«Как пойдешь ты через ельник, —
Он с улыбкою сказал, —
Елку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».
И смутился Ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», – Бог ответил.
И небесный гость пошел.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вел.
Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждет...
Вскинув елочку на плечи,
Ангел с радостью идет...
Загляните в окна сами, —
Там большое торжество!
Елки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.
И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Елку Божью подарить.
И прекрасных и послушных
Много видел он детей. —
Все при виде Божьей елки,
Все забыв, тянулись к ней.
Кто кричит: «Я елки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»
«Нет, я елочки достойна
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.
Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел... «Боже мой!

Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»
И на улице встречает
Ангел крошку, – он стоит,
Елку Божью озирает, —
И восторгом взор горит.
«Елка! Елочка! – захлопал
Он в ладоши. – Жаль, что я
Этой елки не достоин
И она не для меня...
Но носи ее сестренке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, —
Стоит елочки она!
Пусть не плачется напрасно!» —
Мальчик Ангелу шепнул.
И с улыбкой Ангел ясный
Елку крошке протянул.
И тогда каким-то чудом
С неба звезды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветви елочки впились.
Елка искрится и блещет, —
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет
Изумленный мальчуган...
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слез,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принес.

Есть и другие стихотворения, но в основном либо политические, либо шуточные. Но где же любовь? Давайте посмотрим...

Мы упоминали о непревзойденных Тургеневских стихотворениях в прозе – в них тоже есть и немного политики, и много природы, и много любви.

«И мечтаю, и упиваюсь, и страдаю... и люблю...»

У Федора Михайловича Достоевского есть произведение, которое по праву можно причислить к поэтическому, поскольку оно написано... белым стихом... Да, да, это белый стих, это стихи в прозе. И название этого произведения – «Белые ночи»!

Давайте вспомним начало этого произведения, которое сам Федор Михайлович назвал сентиментальным романом...

Итак...

«...Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что взглянув на него, невольно нужно было спросить себя, неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!..»

И далее, через несколько страниц:

«Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упростится цветами... Как-то невольно напоминает она мне ту девушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда с сожалением, иногда с какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замечаете ее, но которая вдруг, на один миг, как-то нечаянно делается неизъяснимо, чудно прекрасною, а вы пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать таким огнем эти грустные, задумчивые глаза? что вызвало кровь на эти бледные, похудевшие щеки? что облило страстью эти нежные черты лица? отчего так вздымается эта грудь? что так внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бедной девушки, заставило его заблестать такой улыбкой, оживиться таким сверкающим, искрометным смехом? Вы смотрите кругом, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но миг проходит, и, может быть, назавтра же вы встретите опять тот же задумчивый и рассеянный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлечение... И жаль вам, что так скоро, так безвозвратно завяла мгновенная красота, что так обманчиво и напрасно блеснула она перед вами, – жаль оттого, что даже полюбить ее вам не было времени...»

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вот как это было:

Я пришел назад в город очень поздно, и уже пробило десять часов, когда я стал подходить к квартире. Дорога моя шла по набережной канала, на которой в этот час не встретишь живой души. Правда, я живу в отдаленнейшей части города. Я шел и пел, потому что, когда я счастлив, я непременно мурлыкаю что-нибудь про себя, как и всякий счастливый человек, у которого нет ни друзей, ни добрых знакомых и которому в радостную минуту не с кем разделить свою радость. Вдруг со мной случилось самое неожиданное приключение...»

И вот тут начинается любовная история, которая происходит с героем и, скорее всего, когда-то произошла в таком же или похожем виде с самим автором. Применим часто употребляемый довод – иначе вот так поэтично, так сильно и ярко описать «неожиданное приключение», и явно приключение многообещающее, просто невозможно.

Все это было до личных потрясений, которые обрушились на Достоевского в связи с делом петрашевцев. Он был еще совсем молодым человеком.

В «Белых ночах» главный герой говорит своей возлюбленной: «Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть в Петербурге довольно странные уголки. В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов, и светит на все иным, особенным светом... В этих углах проживают странные люди – мечтатели.»

Повествование ведется от первого лица, и в образе главного героя присутствует сам автор. Действительно, Федор Михайлович в молодости увлекался романтической литературой и даже дружил с поэтом Иваном Николаевичем Шидловским. В годы учебы в Инженерном училище он зачитывался его «туманно-мистическими» стихами, посвященными «страданиям от возвышенной любви». Стихами, подобными этому:

Буря воеет, гром грохочет,
Небо вывалиться хочет,
По крутым его волнам
Пляшет пламя там и сям;
То дробясь в движеньи скором,
Вдруг разбрызнется узором,
То исчезнет, то опять

Станет рыскать и скакать.
Ах, когда б на крыльях воли
Мне из жизненной юдоли
В небеса откочевать,
В туче место отобрать,
Там вселиться и порою
Прихотливою рукою
Громы чуткие будить...

Уже значительно позже, в 1861 году, Достоевский вспоминал о том времени: «...Бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развертываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю... и люблю... А настоящую Амалию я... проглядел: она жила со мной под боком, тут же за ширмами».

Ну а мечтатель: «Он сам художник своей жизни и творит ее себе каждый час по новому произволу». В 1870-е годы Достоевский задумал роман «Мечтатель», поскольку тема эта не переставала его волновать на протяжении всей жизни и всего творчества.

В начале 1847 года Достоевский сформировал образ мечтателя в письме к своему брату: «Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет нам общество. Вне должно быть уравновешено с внутренним. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни...»

Немало было «мечтателей» и среди петрашевцев, что отчасти привлекло Достоевского к этому кружку. Правда, петрашевцы постепенно отказались от мечтательства и обратились к бессовестной, бесчестной и разрушительной идеологии демократии. Правда, в то время, кроме злостных «идеологов разрушения», были и таковые участники кружка, которые искали какие либо пути к поправлению тех недостатков, которых всегда бывает много при любом государственном устройстве. И они не ведали в ту пору, что при Православном Самодержавии их в любом случае неизмеримо меньше, нежели при любом другом строе.

«Белые ночи» далеки от демократической, да и любой идеологии. Это – своеобразная идиллия. Там отражено мечтательство в чистом его виде: «Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которые ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!»

А героиня «Белых ночей» Настенька в прощальном письме восклицает, мечтая о несбыточном: «О Боже! если б я могла любить вас обоих разом! О, если б вы были он!.. Вы будете вечно другом, братом моим».

Достоевский написал это произведение, уже будучи кружковцем петрашевцев. Биографы предполагают, что созданы «Белые ночи» во второй половине 1848 года.

Этим произведением как бы завершился «мечтательный» цикл рассказов и повестей. Писатель поставил два подзаголовка: «Сентиментальный роман» и «Из воспоминаний мечтателя». Такие заголовки были в духе его раннего творчества. Вспомним, к примеру, «Из записок неизвестного».

Не случайно поставлен и соответствующий духу произведения эпитафия в виде несколько искаженной цитаты из стихотворения Ивана Сергеевича Тургенева «Цветок»:

Тебе случалось – в роще темной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и скромный?

(Ты был один – в стране чужой.)
Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.
И ты срываешь стебель зыбкой.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.
И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом – все поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.
Он вырастал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.
Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

Стихотворение написано в первой половине 1843 года и опубликовано в «Отечественных записках». Достоевский намеренно поменял несколько слов. Сравните:

...Иль был он создан для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
В соседстве сердца твоего?..

Быть может, он хотел тем самым показать, что описанное в «воспоминаниях мечтателя», так и осталось мечтательством в отличие от того, что следует из стихотворения. Тем не менее завершаются «Белые ночи» аналогичным стихотворению финалом: «Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..»

В «Белых ночах» есть фраза: «Мои ночи кончились утром. День был нехороший. Шел дождь и уныло стучал в мои стекла; в комнатке было темно, на дворе пасмурно».

И целый творческий этап в жизни Достоевского завершился «темно» и «пасмурно»...

А впереди было темно и пасмурно...

Дорога к первому браку для Федора Михайловича пролегла через кружок петрашевцев, заключение в Петропавловскую крепость, приговор к смертной казни, тюрьму, сибирскую каторгу и сибирскую ссылку в Семипалатинск.

Случайно ли попал в этот кружок Достоевский? Возможно, так распорядилась судьба, чтобы появился на свет уникальный роман «Бесы», разоблачающий безумие революционеров и революции, ими подготавливаемой, задолго до того, как она обрушилась на Россию.

Достоевскому довелось побывать в обществе вот таких бесов, которых он мастерски изобразил в романе. Хотя посещали кружок в доме Михаила Буташевича-Петрашевского люди разные. Некоторые из них не являлись сторонниками революционных потрясений. Там бывали ученые, критики, литераторы. Участвовал в кружке и Алексей Николаевич Плещеев,

более известный нам как поэт, но бывший, кроме того, и театральным критиком, и переводчиком, и автором прозаических произведений. Посещали кружок также Николай Данилевский, знаменитый автор труда «Россия и Европа», писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, поэт Аполлон Майков.

Осудили петрашевцев в 1849 году, причем приговор звучал очень сурово. Участников приговорили к смертной казни, казнь назначена на 22 декабря 1849 года. До казни Достоевскому и его соратникам по кружку довелось провести долгие 8 месяцев в Петропавловкой крепости, причем содержались они в одиночных камерах.

И вот ранним утром 22 декабря осужденных привезли на Семеновский плац, где была назначена казнь. Достоевский впоследствии вспоминал те «десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти».

Все было как при обычной казни. Зачитали смертный приговор, священник подошел к каждому и осенил крестом, затем над головой тех, кто принадлежал к дворянскому сословию, сломали шпагу. И вот первым трем осужденным, в числе которых был Петрашевский, надели предсмертные рубахи, затем их привязали к столбам и закрыли глаза черными повязками.

Прозвучала строевая команда, солдаты подняли ружья и прицелились... И тут же прозвучала команда «отбой». Смертная казнь была заменена каторгой. Осужденных вернули в крепость, и лишь Петрашевского отправили в Сибирь немедленно, прямо с плаца.

На всю жизнь остались в памяти слова сурового приговора: «Отставного инженера поручика Достоевского подвергнуть смертной казни расстрелянием».

И вот Федору Михайловичу, окончившему военно-инженерное училище и уже имевшему офицерский чин, предстояла каторга, а после нее солдатская служба. Офицерского чина его лишили.

Он был осужден двадцативосьмилетним молодым человеком. И хотя возраст и не такой уж малый, опыта в делах амурных приобрести не успел. Во всяком случае, нигде о его романах до каторги не упоминается. Зато современники отмечали, что с прекрасным полем он был весьма робок, и если в компании речь заходила о женщинах, в разговоре старался не участвовать. Это отношение к женщинам, робость и смущение перед ними отразились в его романах, в которых обычно рассказывалось о неудачах героев в любви.

Отбыв положенный срок на каторге, Федор Михайлович Достоевский в январе 1854 года был зачислен рядовым в 7-й линейный батальон Семипалатинска.

«Я приближаюсь к кризису всей жизни...»

Еще перед отъездом в этот город Достоевского волновали неясные предчувствия того, что в скором времени должно произойти с ним. Он высказался об этом в письме к жене декабриста Наталье Дмитриевне Фонвизиной: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, во всяком случае неизбежное».

Между тем в Семипалатинске его произвели в унтер-офицеры, а затем, благодаря содействию друзей и знакомых, в прапорщики. А весной 1857 года было, наконец, возвращено потомственное дворянское звание, а также дозволено печатать свои произведения.

На некоторое время он осел в Семипалатинске, в заштатном в ту пору городишке. Еще будучи солдатом, Федор Михайлович начал работу над «Сибирской тетрадью». В ней отражены воспоминания и впечатления о каторге. Постепенно вырисовывалось и более серьезное произведение «Записки из мертвого дома». Стали рождаться замыслы целого ряда рома-

нов. Когда было дозволено печататься, брат издал в Петербурге повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» и произведение мемуарного характера «Маленький герой», с подзаголовком «Из неизданных воспоминаний».

В 33 года к нему пришла первая настоящая любовь, но полюбил он женщину замужнюю, с мужем которой – Александром Ивановичем Исаевым – познакомился вскоре после приезда в город и был в приятельских отношениях. Марья Дмитриевна Исаева, хрупкая, изящная блондинка, была красива, образованна, начитанна.

Вот как рассказал об этом юрист, археолог и мемуарист барон Александр Егорович Врангель, служивший в ту пору в Семипалатинске стряпчим казенных и уголовных дел и впоследствии издавший книгу «Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири»: «Однообразно-томительно текла наша жизнь. Я мало кого посещал, сидел более дома, много читал, много писал. <...> Федор Михайлович общался немного более меня, особенно часто он навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам и согласился давать уроки их единственному ребенку – Паше, шустрому мальчику восьми-девяти лет. Мария Дмитриевна Исаева была, если не ошибаюсь, дочь директора гимназии в Астрахани и вышла там замуж за учителя Исаева. Как он попал в Сибирь – не помню. Исаев был больной, чахоточный и сильно пил. Человек он был тихий и смирный. Марии Дмитриевне было лет за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падучая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он “без будущности”, говорила она, Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости. Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням, усиленно тащил и меня, но несимпатична мне была та среда ради мужа ее».

Достоевский буквально с первой встречи увлекся Марией Дмитриевной. Помех со стороны мужа особых не оказалось. Александр Иванович Исаев быстро спивался – он уже потерял целый ряд хороших мест. Это удручало Марию Дмитриевну, которая погибала от скуки. В гостях из-за пьянства мужа бывать не получалось, да и к себе в дом никого почти не приглашали. Поэтому она была весьма рада общению с Достоевским, тем более, вскоре поняла, какие чувства он испытывает к ней.

Федор Михайлович Достоевский оставил такой отзыв о Марии Дмитриевне: «Эта дама еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем... Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину».

А вот что писал о ней Семенов-Тянь-Шанский, который в то время дружил с Достоевским и часто встречался с ним и его возлюбленной, находясь проездом в городе: «Она была хороший человек в самом высоком значении этого слова... В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости... Только заботы о своем ребенке... поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф.М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое теплое участие она приняла в нем...»

Мария Дмитриевна была женщиной образованной, начитанной. За плечами были и домашнее образование, затем учеба в женском пансионе и в Астраханском институте благородных девиц. При выпуске были особо отмечены ее знания французского языка и прекрасное музицирование. Об образовании позаботился отец, который являлся директором

Астраханского карантинного дома. Происходил же он из семьи французских эмигрантов, прочно обосновавшихся в России.

Мария Дмитриевна родилась в Таганроге в 1824 году, и она была всего лишь на три года моложе Достоевского. Замуж она вышла в 1846 году в возрасте 22 лет, и поначалу с мужем Александром Ивановичем Исаевым, потомственным дворянином, уроженцем Олонецкой губернии, все складывалось довольно хорошо. В 1847 году у них родился сын Павел. Муж служил чиновником особых поручений начальника Астраханского таможенного округа. Затем, в феврале 1851 года, он получил назначение на должность чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа. Семья переехала в Петропавловск, оттуда – в Семипалатинск, где в ту пору находилась квартира начальника Сибирского таможенного округа.

Между тем в службе начались неудачи и неприятности, поскольку Исаев постепенно пристрастился к алкоголю. В Семипалатинске он вскоре лишился должности. И лишь после упорных хлопот его все-таки взяли на место заседателя по коммерческой части в город Кузнецк.

А.Е. Врангель так описал перевод Исаевых из Семипалатинска:

«Однажды Федор Михайлович является домой хмурый, расстроенный и объявляет мне с отчаянием, что Исаев переводится в Кузнецк, верст за пятьсот от Семипалатинска. “И ведь она согласна, не противоречит, вот что возмутительно!” – горько твердил он.

Действительно, вскоре состоялся перевод Исаева в Кузнецк. Отчаяние Достоевского было беспредельно; он ходил как помешанный при мысли о разлуке с Марией Дмитриевной; ему казалось, что все для него в жизни пропало.

Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок...

Мы поехали с Федором Михайловичем провожать Исаевых, выехали поздно вечером, чудною майскою ночью; я взял Достоевского в свою линейку. Исаевы поместились в открытую перекладную телегу – купить кибитку у них не было средств. Перед отъездом они заехали ко мне, на дорожку мы выпили шампанского. Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной, я еще у себя здорово накатал шампанским ее муженька. Дорогою, по сибирскому обычаю, повторил; тут уж он был в полном моем распоряжении; немедленно я его забрал в свой экипаж, где он скоро и заснул как убитый. Федор Михайлович пересел к Марии Дмитриевне. Дорога была как укатанная, вокруг густой сосновый бор, мягкий лунный свет, воздух был какой-то сладкий и томный. Ехали, ехали... Но пришла пора и расстаться. Обнялись мои голубки, оба утирали глаза, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку; он немедленно же захрапел, по-видимому, не сознавая ни времени, ни места... Дернули лошади, тронулся экипаж, поднялись клубы дорожной пыли, вот уже еле виднеется повозка и ее седоки, затихает почтовый колокольчик... а Достоевский все стоит как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам. Я подошел, взял его руку – он как бы очнулся после долгого сна и, не говоря ни слова, сел со мною в экипаж».

Да, сердце Достоевского истосковалось по любви. Марья Дмитриевна долго не давала никаких надежд, и лишь в начале 1855 года открылась для ответных чувств. И тут мужа перевели в Кузнецк. Казалось, что теперь уже все надежды окончательно потеряны.

Мы привыкли со школьной скамьи воспринимать наших знаменитых писателей как почтенных старцев, казалось бы, лишенных всех тех чувств, которые бурлят и бушуют в каждом обычном человеке. Достоевский? Да ведь это же автор серьезных философских романов! Разве он может быть способен любить, страдать, испытывать какие-то страсти переживать разрыв с женщиной? И никто не задумывался, что, будь наши мастера художественного слова аскетичными истуканами, не узнали бы мы замечательных произведений.

Достоевский был способен на самые яркие и страстные чувства, его сердце всегда оставалось молодым – до самой последней минуты жизни.

А.Е. Врангель рассказал далее: «Время взяло свое, и это болезненное отчаяние начало улегаться. С Кузнецком началась усиленная переписка, которая, однако, не всегда радовала Федора Михайловича. Он чуял что-то недоброе. К тому же в письмах были вечные жалобы на лишения, на свою болезнь, на неизлечимую болезнь мужа, на безотрадное будущее – все это не могло не угнетать Федора Михайловича. Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень.

Он даже бросил свои “Записки из Мертвого дома”, над которыми работал так недавно с таким увлечением. Любимое времяпрепровождение было, когда мы в теплые вечера растягивались на траве и, лежа на спине, глядели на мириады звезд, мерцавших из синей глубины неба. Эти минуты успокаивали его. Созерцание величия Творца, всеведомой, всемогущей Божеской силы наводило на нас какое-то умиление, сознание нашего ничтожества, как-то смиряло наш дух. О религии с Достоевским мы мало беседовали. Он был скорее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом. Манера его речи была очень своеобразная. Вообще он говорил негромко, зачастую начинал чуть не шепотом, но чем больше он одушевлялся, тем голос его подымался звучнее и звучнее, а в минуты особого волнения он, говоря, как-то захлебывался и приковывал внимание своего слушателя страстностью речи...»

Муж Исаевой серьезно болел. И вот пришло сообщение о его смерти.

А.Е. Врангель отразил в воспоминаниях реакцию Федора Михайловича:

«Привязанность Достоевского к Исаевой всегда была велика, но теперь, когда она осталась одинока, Федор Михайлович считает прямо целью своей жизни попечение о ней и ее сироте Паше. Надо знать, что ему хорошо было известно в то время, что Марии Дмитриевне нравится в Кузнецке молодой учитель В<ергунов>, товарищ ее покойного мужа, личность, как говорили, совершенно бесцветная. Я его не знал и никогда не видал. Не чуждо, конечно, было Достоевскому и чувство ревности, а потому тем более нельзя не преклоняться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастье и спокойствии Исаевой.

А как тягостно было его состояние духа, удрученное желанием устроить Марию Дмитриевну, видно из его писем; например: вот несколько строк из письма Достоевского к Майкову от 18 января 1856 года: «Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и, наконец, посетивший меня, увлек и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня».

Да и все письма ко мне Достоевского, после моего отъезда из Семипалатинска, в этот период его жизни переполнены тревогой о Марии Дмитриевне. Он доходил до полного отчаяния. 13 апреля 1856 года он пишет мне, в каком грустном, ужасном положении он находится; что если не получит от брата нужные для поездки в Кузнецк сто рублей, то это доведет его до “отчаяния”. “Как знать, что случится?”. Надо полагать, он намекает на нечто трагическое, а что он допускал исход в подобных случаях трагический – возможно предполагать: не раз на эту тему бывали у нас с ним беседы, и в письме ко мне от 9 ноября 1856 года он говорит: “Тоска моя в последнее время о вас возросла донельзя (я в последнее время, сверх того, и часто болен). Я и вообразил, что с вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чем с вами когда-то говорили”. В письме ко мне от 13 апреля 1856 года он прибавляет: “Не для меня прошу, мой друг, а для всего, что только теперь есть у меня самого дорогого в жизни”».

В канун нового, 1856 года пришло письмо необычного содержания. Исаева писала: «Если бы нашелся человек пожилой, и обеспеченный, и добрый, и сделал мне предложение».

Желание найти такого человека напугало Достоевского, трудно измерить его переживания, его опасения, что возлюбленная уже нашла такого человека и если выйдет замуж – это уже будет навсегда.

И тогда он написал ей, что просит стать его женой и что если получит отказ, просто не переживет его. Ответ последовал не сразу – Мария Дмитриевна сообщила, что любит другого и что действительно собирается замуж.

Но любящее сердце порою непредсказуемо – вместо упреков Мария Дмитриевна услышала пожелания счастья, добрые советы, которые, конечно, довались нелегко.

Он не знал, что Мария Дмитриевна не рассматривает его в качестве жениха по весьма банальным причинам – он еще не окреп после каторги и службы солдатской, еще не поправил своего материального положения, фактически был беден. Но работал, работал, работал не покладая рук. И дела пошли на лад. Она узнала об изданиях его книг, о гонорарах... И жених сразу отошел на задний план. Свадьба откладывалась. Мария Дмитриевна присматривалась и готовилась принять решение, для нее наиболее выгодное.

Изменился характер писем, но поначалу она соблюдала дистанцию, называя Достоевского своим братом. Но в конце концов объявила, что разлюбила жениха еще и потому, что поверила, что так, как он, Достоевский, ее никто не любит.

Он снова напомнил ей о своем предложении, снова просил сделать его счастье, и она согласилась. 6 февраля они венчались.

Сколько он добивался этого, как мечтал связать жизнь с нею! Но все вышло не так, как мечталось. Он не нашел в ней верного друга, она не стала его второй половинкой. Постепенно Федор Михайлович стал понимать, что замужеством своим она просто хотела поправить свое положение и, если это удастся, вырваться из захолустья. Она не осознавала, кто находится рядом с нею, но догадывалась, что писательство позволит, в конце концов, вернуться в столицу.

Достоевский так и оставался неопытным в отношениях с прекрасным полом. Если у него и случались романы, то разве что очень мимолетные, сведения о которых даже не остались в арсенале дотошных биографов и любопытных современников. А тут постоянное общение с женщиной, причем женщиной любимой...

Они переехали в Семипалатинск, и Достоевский засел за новые произведения – «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели». Одновременно он подал прошение об отставке по болезни – каторга подорвала здоровье. Наконец получил разрешение вернуться из ссылки, но не в Москву или Санкт-Петербург, а в Тверь, куда Достоевские и переехали в марте 1859 года. Именно в Твери Достоевский переделал повесть «Двойник», подготовил к изданию «Село Степанчиково...», продолжал работу над «Записками Мертвого дома», создал первые главы романа «Униженные и оскорбленные».

«Она не стоит такой любви...»

Лишь уже в декабре того же 1859 года, спустя ровно десять лет после казни на Семёновском плацу, удалось вернуться в Питер.

Надо было как-то обустроить свою жизнь, искать работу, поскольку гонорары – дело непостоянное. Впрочем, к этому времени он уже был известен в читательской среде достаточно хорошо. И потому не составляло особого труда организовать публичные чтения на студенческих вечерах, начать вместе с братом Михаилом издание журнала «Время».

И вот в жизни Достоевского появилась новая женщина... Как произошло знакомство? По одним данным, Апполинария Сулова подошла к Достоевскому на студенческом вечере, по другим – она принесла в журнал свой рассказ. Впрочем, может быть, и то и другое верно.

Познакомившись на вечере, Сулова могла затем принести свой рассказ в журнал уже по договоренности с главным редактором.

Вскоре в 5-м номере журнала «Время», вышедшем в ноябре 1861 года, появилась повесть «Покуда». Подпись сокращенная, явно скрывающая автора – «А. С-ва». Размещена она между очередной главой «Записок из мертвого дома» Достоевского и романом в стихах Якова Полонского «Свежее предание». Читатели, а особенно критики, тут же обратили внимание на художественную беспомощность произведения. Но не сразу удалось выяснить, кто же автор.

Автором являлась Апполинурия Сулова. Она была достаточно образованна, чтобы вариться в столичном обществе, но что касается литературы, тут ее природа обделила талантом. Ее отец, Прокофий Сулов, был из крепостных графа Шереметева. Невероятным образом он сначала сделался купцом, а затем приобрел фабрику и стал далеко не бедным человеком. Прекрасно понимая недостатки своего образования, он стремился добиться для своих дочерей Аполлинурии и Надежды лучшей доли. Что касается Надежды, его замыслы сбылись. Она стала первой русской женщиной-врачом. Даже запись соответствующая была сделана в ее дипломе.

Но вот с Аполлинурией все оказалось сложнее. Она вместе с сестрой окончила пансион благородных девиц, но потом, когда родители перебрались в Петербург, она стала посещать лекции в университете. Учиться на полном курсе тогда еще было нельзя. Но студенческая среда сыграла с ней злую шутку, ввергнув в водоворот революционной борьбы. Какая уж тут учеба – мы свой, мы новый мир построим. Ну а тот, кто был ничем, тот станет всем, видимо, имелось в виду, что станет всем без образования. И вот произошло знакомство с Достоевским, уже известным писателем...

Любовь Федоровна Достоевская, дочь писателя, коснулась в своих воспоминаниях времяпрепровождения Суловой в те годы: «Полина приехала из русской провинции, где у нее были богатые родственники, посылавшие ей достаточно денег для того, чтобы удобно жить в Петербурге. Каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она усердно ходила на лекции, флиртowała со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе... Полина присутствовала на всех балах, всех литературных вечерах студенчества, танцевала с ними, аплодировала, разделяла все новые идеи, волновавшие молодежь... Она вертелась вокруг Достоевского и всячески угождала ему. Достоевский не замечал этого. Тогда она написала ему письмо с объяснением в любви.

Это письмо было найдено в бумагах отца, оно было простым, наивным и поэтичным. Можно было предположить, что писала его робкая молодая девушка, ослепленная гением великого писателя. Достоевский, растроганный, читал письмо Полины...»

Что же привлекло Достоевского в ней и ее в Достоевском? Ведь ему уже было сорок, а ей всего лишь двадцать один год – почти двадцать лет разница. Да и был к тому времени Федор Михайлович, мягко говоря, не здоров. Каторга – не санаторий. Обострились врожденные заболевания, в частности эпилепсия. Но Достоевский пользовался авторитетом у молодежи не только потому, что его произведениями зачитывалась вся мыслящая Россия. Он пострадал в борьбе с самодержавием, столь ненавистным тем, кто по неразумению своему встал на путь революционной бесовщины. А ведь к тому времени сам Достоевский уже переосмыслил свое отношение к государственному устройству. Он стал убежденным монархистом и консерватором. Сулова же еще не наигралась в революцию.

Почему Достоевский пошел на измену жене, которую, как казалось, любил всем сердцем? Существуют мнения некоторых биографов, что в семье не только не установился лад,

но Мария Дмитриевна оказалась сама женой неверной. В ее жизни появился другой мужчина... И Достоевский знал об этом, знал и переживал. Свои переживания старался погасить работой. Став главным редактором журнала «Время», много ездил по губернским и уездным городам. Уезжая, понимал, что дает жене лишний повод для встреч с любовником, но... что мог поделать.

Возвращался порой с тревогой и трепетом. Он все еще боялся, что однажды она уйдет, покинет его. Значит, теплились чувства, видимо, было что-то, за что можно было ценить Марию Дмитриевну, разделившую с ними не лучшие времена, времена жизни в захолустье, времена нужды.

Апполиария Сулова помогала скрасить его жизнь – жизнь обманутого мужа. Она постепенно становилась все требовательнее, она хотела, чтобы он бросил жену и был с нею, только с нею. Как знать, быть может, Достоевский и решился бы на это, тем более повод к разрыву с женой, в связи с ее изменами, появился.

Но однажды, возвратившись из очередной поездки, он был поражен тем, что увидел дома. Мария Дмитриевна встретила его в постели в ужасном состоянии. Она была больна, и диагноз оказался страшным – чахотка. Федор Михайлович не бросил ее и стал ухаживать за ней, хотя Сулову это приводило в бешенство, поскольку видеться приходилось все реже и реже.

А Достоевский старался сделать менее тяжелыми последние месяцы, недели, дни тяжело переносившей болезнь жены.

Сулова же не унималась. Теперь уже вся жизнь ее сосредоточилась на Достоевском. Он стал ее первым мужчиной, он явился предметом восторга и обожания, предметом, быть может, и не вполне еще осознанных чувств, ведь она полюбила, как ей казалось, полюбила гения, классика, имевшего почти потрясающую известность, но видела перед собой в общем-то утомленного невзгодами и передрыгами больного человека, к тому же почти что из другого поколения: двадцать лет – серьезная разница.

И конечно же ее мучила ревность. Она не желала понимать, что Достоевский просто не может бросить жену в том состоянии, в котором она находилась. Если бы была здорова, тогда другое дело, тогда еще можно было что-то требовать, опять же потому, что жена сама дала повод к разрыву. Но она была больна и дни ее были сочтены.

Тем не менее терять молодую возлюбленную Достоевскому не хотелось – он привязался к ней всем сердцем и ее недостатки, порой, казались достоинствами, поскольку влюбленный человек любит, не разделяя достоинств и недостатков предмета своей любви.

И он решился на время оставить жену, поскольку у нее было некоторое пусть временное, но улучшение, и отправиться с Апполиарией в путешествие по Европе.

Та с восторгом приняла предложение, уже считала дни до отъезда, но неожиданно возникли проблемы с журналом «Время», который едва не закрыли за какие-то публикации. Пока Достоевский с братом спасали журнал, резко ухудшилось состояние Марии Дмитриевны. А между тем откладывать поездку было невозможно. Апполиария не перенесла бы этого. И тогда Достоевский предложил ей ехать вперед, обещая догнать в скором времени. После некоторых колебаний она согласилась и отправилась в Париж. Его же выезд задерживался то по одной, то по другой причине.

Первые письма из Парижа от Апполиарии были нежными и ласковыми, полными нетерпения. Она умоляла приехать побыстрее. Он же не торопился, стараясь завершить все неотложные дела.

И вдруг письма прекратились. Обеспокоенный молчанием Апполиарии, Достоевский поспешил выехать в Париж, но не удержался от того, чтобы заглянуть в пути в Висбаден, поиграть пару-тройку дней в рулетку. На этот раз рулетка принесла солидный выигрыш, который он решил поделить между супругой и любовницей.

Но от Апполинаруии пришло письмо: «Ты едешь немножко поздно... Еще очень недавно я мечтала ехать с тобой в Италию и даже начала учиться итальянскому языку: – все изменилось в несколько дней. Ты как-то говорил, что я не скоро могу отдать свое сердце. Я его отдала в неделю по первому призыву, без борьбы, без уверенности, почти без надежды, что меня любят. Я была права, сердясь на тебя, когда ты начинал мной восхищаться. Не подумай, что я порицаю себя, но хочу только сказать. Прощай, милый!

Мне хотелось тебя видеть, но к чему это приведет? Мне очень хотелось говорить с тобой о России».

Письмо было датировано 19 августа 1863 года.

И далее Сулова отметила: «В эту минуту мне очень и очень грустно. Какой он великодушный, благородный! Какой ум! Какое сердце!..»

Письмо выбило из колеи. Достоевский остро переживал предательство, хотя, в какой-то мере и сам был виноват в нем. Отправил Апполинаруию в Париж, оставшись с женой. Это ли не причина для раздражения и даже для ответных действий?! Она считала, что отдала ему все, всю себя, не получив взамен ничего, ведь он продолжал заботиться о жене, совсем не думая, как плохо без него ей – Апполинаруии. В чем-то она была права, ведь действительно, она явилась до некоторой степени громоотводом, восполняя собой все, чего не хватало Достоевскому дома, а дома теперь было плохо, грустно и тяжело. С ней же все по-иному, с ней радость общения, общения в полном объеме. Она уже знала, что Достоевский вообще любит молодых женщин – это проявилось во многих его произведениях.

Об отношении к случившемуся Достоевского говорит его письмо, написанное двумя годами позже, 19 апреля 1865 года, и адресованное Надежде Суловой, сестре Апполинаруии: «Она колет меня до сих пор тем, что я недостойн был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, то есть, что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: “Ты немножко опоздал приехать”».

А вот что писала сама Апполинаруия Сулова в книге «Годы близости с Достоевским»: «27 августа (1863). Среда. Сейчас получила письмо от Федора Михайловича по городской уже почте. Как он рад, что скоро меня увидит. Я ему послала очень коротенькое письмо, которое было заранее приготовлено. Жаль мне его очень.

Какие разнообразные мысли и чувства будут волновать его, когда пройдет первое впечатление горя! Боюсь только, как бы он, соскучившись меня дожидаться (письмо мое придет не скоро), не пришел ко мне сегодня, прежде получения моего письма. Я не выдержу равнодушно этого свидания. Хорошо, что я предупредила его, чтобы он прежде мне написал, иначе что б было...»

Вечером она сделала следующую запись: «Так и случилось. Едва успела я написать предыдущие строки, как Федор Михайлович явился. Я увидела его в окно, но дождалась, когда мне пришли сказать о его приезде, и то долго не решалась выйти. “Здравствуй”, – сказала я ему дрожащим голосом. Он спрашивал, что со мной, и еще более усиливал мое волнение, вместе с которым развивалось его беспокойство.

– Я думала, что ты не приедешь, – сказала я, – потому что написала тебе письмо.

– Какое письмо?

– Чтобы ты не приезжал.

– Отчего?

– Оттого, что поздно.

Он опустил голову.

– Я должен все знать, пойдем куда-нибудь, и скажи мне, или я умру.

Я предложила ехать с ним к нему. Всю дорогу мы молчали. Я не смотрела на него. Он только по временам кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом: “Vite, vite”, причем тот иногда оборачивался и смотрел с недоумением. Я старалась не смотреть на Федора Михайловича. Он тоже не смотрел на меня, но всю дорогу держал мою руку и по временам сжимал ее и делал какие-то судорожные движения.

– Успокойся, ведь я с тобой, – сказала я.

Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая, обняв, с рыданием мои колени, громко зарыдал: “Я потерял тебя, я это знал!”

Успокоившись, он начал спрашивать меня, что это за человек. “Может быть, он красавец, молод, говорун. Но никогда ты не найдешь другого сердца, как мое”. Я долго не хотела ему отвечать.

– Ты отдалась ему совершенно?

– Не спрашивай, это нехорошо, – сказала я.

– Поля, я не знаю, что хорошо и что дурно. Кто он: русский, француз, не мой доктор?..

– Нет, нет.

Я ему сказала, что очень люблю этого человека.

– Ты счастлива?

– Нет.

– Как же это? Любишь и не счастлива, да возможно ли это?

– Он меня не любит.

– Не любит! – вскричал он, схватившись за голову, в отчаянии. – Но ты не любишь его, как раба, скажи мне, это мне нужно знать! Не правда ли, ты пойдешь с ним на край света?

– Нет, я... я уеду в деревню, – сказала я, заливаясь слезами.

– О Поля, зачем же ты так несчастлива! Это должно было случиться, что ты полюбишь другого. Я это знал. Ведь ты по ошибке полюбила меня, потому что у тебя сердце широкое, ты ждала до двадцати трех лет, ты единственная женщина, которая не требует никаких обязанностей, но чего это стоит: мужчина и женщина не одно и то же. Он берет – она дает.

Когда я сказала ему, что это за человек, он сказал, что в эту минуту испытал гадкое чувство: что ему стало легче, что это не серьезный человек, не Лермонтов. Мы много еще говорили о посторонних предметах. Он мне сказал, что счастлив тем, что узнал на свете такое существо, как я. Он просил меня оставаться в дружбе с ним и особенно писать, когда я особенно счастлива или несчастлива. Потом предлагал ехать в Италию, оставаясь как мой брат. Когда я ему сказала, что он, верно, будет писать свой роман, он сказал: “За кого ты меня принимаешь! Ты думаешь, что все пройдет без всякого впечатления”. Я ему обещала прийти на другой день. Мне стало легче, когда я с ним поговорила. Он понимает меня...»

Но кого же нашла в Париже Сулова, кто же он – соперник Достоевского? Федор Михайлович ожидал, что она способна полюбить только человека высоких достоинств, и был крайне удивлен ее выбором. Она предпочла его жалкому и бесчестному существу – студенту из Испании по имени Сальвадор. Он же, натешившись вдоволь, погуляв за счет состоятельной любовницы, исчез.

Но и этого мало – Апполинария словно совсем лишилась разума. Она пыталась разыскать мошенника, не спала ночей и мучила Достоевского своими переживаниями. Она просила его включиться в поиск, сопровождать ее в поездках по парижским улицам. Надеялась на случайную встречу.

В те дни, когда произошел окончательный разрыв, в письмах к сестре Суловой Достоевский жаловался: «Аполлинария – большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны... Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви. Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна».

Между тем 15 апреля 1864 года ушла из жизни Мария Дмитриевна.

Достоевский выполнил перед нею свой долг... Он не оставил ее до последнего ее вздоха. Он пояснял это впоследствии так: «...Мы не могли перестать любить друг друга: даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь».

Он остался один. Он попытался вернуть Апполиналию Суслову, даже сделал ей предложение, но получил отказ.

И все же он написал, когда их отношения завершились окончательно: «Я люблю ее до сих пор, очень люблю, но уже не хотел бы любить ее».

Такой яркий и колоритный образ не мог кануть в Лету. Федор Михайлович наделил чертами Апполиналии Сусловой многих своих героинь. Что-то от Сусловой есть в Полине в романе «Игрок», что-то можно найти в Настасье Филипповне в романе «Идиот», а в романе «Братья Карамазовы» носителями некоторых черточек характера ее критики называют Катерину и Грушеньку.

Когда писатель наделяет чертами своей возлюбленной литературные персонажи своих романов, можно сказать, что он переболел болезнью влюбленности в нее. Освобождение от пут романа, особенно столь странного, который был у Достоевского и Сусловой, всегда дается тяжело. Но жизнь берет свое.

Апофеоз отношений с Сусловой отражен в романе «Игрок» с необыкновенной силой – герой романа Алексей Иванович говорит о Полине: «И еще раз я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, опять, в сотый раз ответил себе, что я ее ненавижу. <...> А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы она действительно сказала мне: “Бросьтесь вниз”, то я бы тотчас же бросился и даже с наслаждением».

«Не так люблю, чтобы пойти замуж...»

В 1865 году Федор Михайлович познакомился с Анной Васильевной Корвин-Круковской, писательницей-революционеркой, будущей участницей Парижской коммуны 1871 года. Знакомство чем-то походило на то, что уже было с Сусловой. Повествование об этом мы найдем в «Воспоминаниях детства» Софьи Васильевны Ковалевской, удивительной женщины, ставшей русским математиком, физиком-механиком, членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Она рассказала, что однажды ее старшая сестра Анна Васильевна сказала ей загадочно и даже торжественно: «Пойдем в мою комнату. Я покажу тебе что-то такое, что-то такое, чего ты, верно, не ожидаешь».

В «Воспоминаниях детства» говорится: «И вот она ведет меня в свою комнату и подводит к старенькому бюро, в котором – я знаю – хранятся ее самые заветные секреты. Не торопясь, медленно, чтобы продлить любопытство, она отпирает один из ящичков и вынимает из него большой, делового вида, конверт с красной печатью, на котором вырезано: “Журнал Эпоха”... и, наконец, подает мне письмо, исписанное крупным мужским почерком: “Милостивая государыня, Анна Васильевна! Письмо Ваше, полное такого искреннего и милого доверия ко мне, так меня заинтересовало, что я немедленно принялся за чтение присылаемого Вами рассказа».

Признаюсь Вам, я начал читать не без тайного страха; нам, редакторам журналов, выпадает так часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодых, начинающих писателей, присылающих нам свои первые литературные опыты на оценку. В Вашем случае мне это было бы очень прискорбно. Но, по мере того, как я читал, страх мой рассеялся, и я все более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искрен-

ности и теплоты чувства, которыми проникнут Ваш рассказ. Вот эти-то качества так подкупают в Вас, что я боюсь, не нахожусь ли я и теперь под их влиянием; поэтому я не смею еще ответить категорически и беспристрастно на тот вопрос, который Вы мне ставите: “разовется ли из Вас со временем крупная писательница?”

Одно скажу Вам: рассказ Ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же № моего журнала; что же касается Вашего вопроса, то посоветую Вам: пишите и работайте; остальное покажет время.

Не скрою от Вас – есть в вашем рассказе еще много недоделанного, чересчур наивного; есть даже, простите за откровенность, погрешности против русской грамоты.

Но все это мелкие недостатки, которые, потрудившись, Вы можете осилить; общее же впечатление самое благоприятное.

Потому, повторяю, пишите и пишите. Искренно буду рад, если Вы найдете возможным сообщить мне побольше о себе; сколько вам лет и в какой обстановке живете. Мне важно все это знать для правильной оценки Вашего таланта.

Преданный Вам Федор Достоевский”.

Я читала это письмо, и строки разбегались перед моими глазами от удивления. Имя Достоевского было мне знакомо; в последнее время оно часто упоминалось у нас за обедом в спорах сестры с отцом. Я знала, что он один из самых выдающихся русских писателей; но какими же судьбами пишет он Анюте и что все это значит? Одну минуту мне пришло в голову, не дурачит ли меня сестра, чтобы потом посмеяться над моим легковерием.

Кончив письмо, я глядела на сестру молча, не зная, что сказать. Сестра, видимо, восхищалась моим удивлением.

– Понимаешь ли ты, понимаешь! – заговорила, наконец, Анюта голосом, прерываемым от радостного волнения. – Я написала повесть и, не сказав никому ни слова, послала ее Достоевскому. И вот, видишь, он находит ее хорошо и напечатает в своем журнале. Так вот сбылась-таки моя заветная мечта. Теперь я русская писательница! – почти прокричала она в порыве неудержимого восторга.

Чтобы понять, что значило для нас это слово «писательница», надо вспомнить, что мы жили в деревенской глуши, вдали от всякого, даже слабого, намека на литературную жизнь. У нас в семье много читали и выписывали книг новых. К каждой книжке, к каждому печатному слову не только мы, но и все наши окружающие относились как к чему-то приходящему к нам издалека, из какого-то неведомого, чуждого и не имеющего с нами ничего общего мира. Как ни странно это может показаться, однако факт, что до тех пор ни сестре, ни мне не приходилось даже видеть ни одного человека, который бы напечатал хоть единую строку...

И вдруг теперь сестра моя – писательница! Я не находила слов выразить ей мой восторг и удивление; я только бросилась ей на шею, и мы долго и нежничали, и смеялись, и говорили всякий вздор от радости. Никому из остальных домашних сестра не решалась рассказать о своем торжестве; она знала, что все, даже наша мать, испугаются и все расскажут отцу. В глазах же отца этот ее поступок, что она без спросу написала Достоевскому и отдала себя ему на суд и посмеяние, показался бы страшным преступлением.

Бедный мой отец! Он так ненавидел женщин-писательниц и так подозревал каждую из них в проступках, ничего не имеющих общего с литературой! И ему-то было суждено стать отцом писательницы.

Лично отец мой знал только одну писательницу, графиню Растопчину. Он видел ее в Москве в то время, когда она была блестящей светской красавицей, по которой вся знатная молодежь того времени – и мой отец в том числе – безнадежно вздыхала. Потом, много лет спустя, он встретил ее где-то за границей, кажется в Баден-Бадене, в зале рулетки. С февраля месяца встречи их стали довольно частыми, но о том, каких рубежей они дошли, данных нет».

И вот публикация состоялась. Софья Ковалевская вспоминает: «Помню я, какой был восторг, когда несколько недель спустя пришла книжка “Эпохи” и в ней, на заглавном листе, мы прочли: “Сон”, повесть Ю. О-ва (Юрий Орбелов был псевдоним, выбранный Анютой, так как, разумеется, под своим именем она печатать не могла)».

Когда же отцу стало известно и о письме Достоевского к дочери Анне и о публикации повести, он поначалу очень сердился, но постепенно смягчился и даже отпустил дочерей в Петербург под зорким оком жены для знакомства с Федором Михайловичем.

Софья Васильевна описала знакомство с писателем: «По приезде в Петербург Анюта тотчас написала Достоевскому и попросила его бывать у нас. Федор Михайлович пришел в назначенный день. Помню, с какой лихорадкой мы его ждали, как за час до его прихода уже стали прислушиваться к каждому звонку в передней. Однако этот первый его визит вышел очень неудачный.

Отец мой, как я уже сказала, относился с большим недоверием ко всему, что исходило из литературного мира. Хотя он и разрешил сестре познакомиться с Достоевским, но лишь скрепя сердце и не без тайного страха.

– Помни, Лиза, что на тебе будет лежать большая ответственность, – напутствовал он мать, отпуская нас из деревни. – Достоевский – человек не нашего общества. Что мы о нем знаем? Только – что он журналист и бывший каторжник. Хороша рекомендация! Нечего сказать! Надо быть с ним очень осторожным.

Ввиду этого отец строго приказал матери, чтобы она непременно присутствовала при знакомстве Анюты с Федором Михайловичем и ни на минуту не оставляла их вдвоем. Я тоже выпросила позволение остаться во время его визита. Две старые тетушки-немки поминутно выдумывали какой-нибудь предлог появиться в комнате, с любопытством поглядывая на писателя, как на какого-то редкого зверя, и, наконец, кончили тем, что уселись тут же на диване, да так и просидели до конца его визита.

Анюта злилась, что ее первое свидание с Достоевским, о котором она так много наперед мечтала, происходит при таких нелепых условиях; приняв свою злую мину, она упорно молчала. Федору Михайловичу было и неловко, и не по себе в этой натянутой обстановке; он и конфузился среди всех этих старых барынь, и злился. Он казался в этот день старым и больным, как всегда, впрочем, когда бывал не в духе. Он все время нервно пощипывал свою жидкую русую бородку и кусал усы, причем все лицо его передергивалось».

Анна Васильевна очень переживала, что знакомство было настолько скомкано, что Достоевскому встреча явно оказалась не по душе. После ухода писателя, она повторяла, рыдая: «Всегда-то, всегда-то все испортят!»

И все же вторая встреча состоялась...

Из воспоминаний Софьи Васильевны Ковалевской: «Однако, дней пять спустя, Достоевский опять пришел к нам и на этот раз попал как нельзя более удачно: ни матери, ни тетушек дома не было, мы были одни с сестрой, и лед как-то сразу растаял. Федор Михайлович взял Анюту за руку, они сели рядом на диван и тотчас заговорили как два старые, давнишние приятеля. Разговор уже не тянулся, как в прошлый раз, с усилием переползая с одной никому не интересной темы на другую. Теперь и Анюта, и Достоевский как бы торопились высказаться, перебивая друг друга, шутили и смеялись.

Я сидела тут же, не вмешиваясь в разговор, не спуская глаз с Федора Михайловича и жадно впивая в себя все, что он говорил. Он казался мне теперь совсем другим человеком, совсем молодым и таким простым, милым и умным. “Неужели ему уже 43 года! – думала я. – Неужели он в три с половиной раза старше меня и больше чем в два раза старше сестры! Да притом еще великий писатель: с ним можно быть совсем как с товарищем!” И я тут же почувствовала, что он стал мне удивительно мил и близок».

Взаимная симпатия была сразу заметна, и недаром, как сообщает Софья Ковалевская, «часа три прошли незаметно».

И далее: «Вдруг в передней раздался звонок: это вернулась мама из Гостиного Двора. Не зная, что у нас сидит Достоевский, она вошла в комнату еще в шляпе, вся нагруженная покупками, извиняясь, что опоздала немножко к обеду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.